Общественный разлом и рождение новой социологии

Двадцать лет мониторинга

НОВАЯ ИСТОРИЯ

НОВОЕ издательство

Коллектив авторов

Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга

«Новое издательство»

2008

Коллектив авторов

Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга / Коллектив авторов — «Новое издательство», 2008

Книга «Общественный разлом и рождение новой социологии» дает представление о двадцатилетней деятельности исследовательского коллектива, работающего сегодня в Аналитическом центре Юрия Левады, а прежде создавшего себе репутацию как первый в стране Всесоюзный (с 1992 года – Всероссийский) центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Статьи сборника, опубликованные ранее в журналах «Мониторинг общественного мнения» и «Вестник общественного мнения», охватывают все основные направления исследований Центра, а значит, работу всех базовых институтов постсоветского социума. Это проблемы социальной стратификации и социальной трансформации, политическое участие и политическая культура, межнациональные напряжения и внешнеполитические процессы, труд и потребление, взаимоотношения элиты и массы, образование и религия, семья и повседневная жизнь. Репрезентативные данные систематических общенациональных опросов осмыслены авторами в общей концептуальной перспективе исторического сдвига – возможностей, границ и препятствий на пути институциональных изменений в России.

© Коллектив авторов, 2008
© Новое издательство, 2008

Содержание

От составителей 5
Татьяна Заславская 9
Борис Грушин 15
Проблемы социальной трансформации 20
Татьяна Заславская 20
Евгений Головаха, Наталия Панина 28
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга

От составителей

Книга, предлагаемая вниманию читателей, не совсем обычна. Идея ее принадлежит Юрию Александровичу Леваде. Составители попытались в ней дать представление о двадцатилетней деятельности нашего исследовательского коллектива – с 2003 года он работает в Аналитическом центре Юрия Левады, а до того создал себе репутацию как Всесоюзный (с 1992-го – Всероссийский) центр изучения общественного мнения, ВЦИОМ[1]. Говоря о коллективе и его двадцатилетней деятельности, мы имеем в виду, естественно, не столько имя организации, сколько ту совокупность идей, ценностей, человеческих отношений, исследовательских технологий, способов объяснения действительности, этоса профессии, которые рождают, как раньше говорили немецкие философы, ощущение работы объективного Духа. Поэтому для нас, когда мы далее употребляем слово «Центр», это не вывеска, не фирма, не помещения и оборудование, а люди с определенным отношением к себе и своей профессиональной деятельности, которые, передавая это отношение вновь приходящим работникам, членам коллектива, тем самым сохраняют и воспроизводят его как норму и традицию.

Возникновение нашего Центра непосредственно связано с эпохой горбачевской перестройки, с поисками каналов и инструментов «обратной связи» между позднесоветским руководством и обществом[2]. Своим формированием Центр был обязан усилиям первых его руководителей – директора Т.И. Заславской и ее первого заместителя Б.А. Грушина[3]. Годы с 1987-го по 1994-й можно назвать периодом становления и взросления нашего коллектива. За этот период его руководителям и всему Центру пришлось решать множество сложных задач: поиск и подбор людей, способных учиться новому делу и реализовать его на практике, создание в республиках СССР и регионах России разветвленной сети отделений, без которых невозможно проведение массовых опросов общественного мнения, формирование принципиально нового теоретического и концептуального аппарата для интерпретации социальной реальности посттоталитарного общества и многих других. Всесоюзные репрезентативные опросы типа «Омнибус», каждый из которых объединял от трех до пяти самостоятельных исследований, пошли уже с ноября 1988 года. Через год они стали систематическими и более разнообразными по тематике.

Частота (регулярность) и оперативность обработки все время увеличивалась, что позволяло вести постоянный мониторинг общественных настроений, восприятия актуальных событий, изменений массовых установок, потребность в знании которых в период драматических перемен резко обострилась. В это же время, в период 1992–1994 годов, большая часть коллектива прошла обучение в ведущих американских и европейских центрах и институтах соответствующего профиля.

К середине 1990-х Центр под руководством Ю.А. Левады (который стал директором в 1992 году) в основном приобрел примерно тот вид, который сохраняет и в настоящее время, –

---

[1] Деятельность нынешнего ОАО «ВЦИОМ» (после 2003 года) не имеет ничего общего с работой и историей ВЦИОМа под руководством Т.И. Заславской, а затем Ю.А. Левады.

[2] Постановление о создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам было принято на июльском совещании ЦК КПСС 1987 года. Формальными учредителями ВЦИОМа были ВЦСПС и Госкомтруда СССР.

[3] Борис Андреевич много лет боролся за создание советского аналога службы Гэллапа, был главным пропагандистом этой идеи и ведущим специалистом по изучению общественного мнения.

это независимый специализированный институт. Его коллектив связан едиными технологическими, идейными и этическими отношениями, нацелен на проведение эмпирических исследований и научного анализа. Он включает не только сотрудников в Москве, но и наших коллег из региональных социологических подразделений, работавших с нами практически с самого начала. В этом плане он представляет собой итог социального эксперимента по строительству в постсоветской России институций нового образца. Он универсалистский по духу взаимоотношений и по мотивам взаимодействия коллег, притом что не калькирует впрямую никаких готовых западных форм, равно как и не приспосабливает к здешним и теперешним задачам структуры прежние, советские.

Структура Центра воспроизводит тематическое и технологическое разнообразие ведущихся в нем исследований. Это социальный организм, старающийся гибко реагировать на функциональные требования анализа и усложняющиеся запросы общества. Так у нас появились специализированные подразделения изучения рынка, доходов и потребительского поведения, отдел, сосредоточившийся на качественных исследованиях. Дифференциация работы – социологу этот процесс в высшей степени понятен – предполагала новый уровень и характер взаимодействия между отделами, совместную разработку программ и анкет, анализ и обобщение результатов. Сосредоточение на каком-то одном типе исследований (полстеры, медиаметрия, маркетинг, экспертные опросы) требовало неизбежной стандартизации методик и технологий организации опросов, что, естественно, приводило рано или поздно к созданию самостоятельных групп и фирм, их отпочкованию от Центра. Главным для нашего коллектива всегда оставался путь «от мнений – к пониманию» – не случайно он стал девизом Центра и дал название представительному сборнику статей Юрия Левады.

Центр с самого начала резко отличался по характеру исследовательской работы от того, что существовало в советской науке: для нее основным заказчиком и судьей в оценке полученных результатов было государство в лице различных ведомств. Такая всесторонняя зависимость ученых от бюрократии, особенно в сфере социального знания, сильнейшим образом ограничивала развитие теории, арсенала методических средств описания и анализа получаемых данных, подавляла разработку новых идей и подходов, особенно в предметных областях, лежащих вне поля узко понимаемых интересов власти. Напротив, наш коллектив прежде всего ориентировался на резко возросшую потребность общества в знании о себе, о процессах, происходящих в различных сферах социальной жизни, о разнообразных социальных группах, о деятельности институтов и т. п. Проводимые нами социологические исследования и опросы общественного мнения в этом плане должны были компенсировать многолетние дефициты информации о том, чем, собственно, было советское и постсоветское общество, советский и постсоветский человек, в чем особенности национальной идентичности россиян, каково отношение населения к смене характера собственности, к власти, к изменениям в жизни людей, как понимают люди происходящее, какими ценностями руководствуются, чего боятся и чего они хотят и т. п. Независимость от власти резко расширила предметное и тематическое поле исследований, а конкуренция, рыночный спрос на надежное, оперативно получаемое и верифицируемое знание заставили уделять много внимания надежности и достоверности полученной социальной информации.

Многообразие тематики исследований, за которым стоит умножение заинтересованных адресатов социального знания, было отражением быстро развивающихся процессов социальной дифференциации, усложнением самого общества. Имея разные источники финансирования, мы *вынуждены были* учитывать в своей работе взгляды *разных партнеров*, апеллировать к *разным группам общества*, сталкиваться *с разными публичными позициями*. Соответственно, мы оказались перед необходимостью постоянной теоретической рефлексии по поводу возникающих задач и проблем социальной жизни, выработки новых или адаптации используемых на Западе методик для задач изучения собственной страны, перепроверки своих исход-

ных инструментов и гипотез, оценки их адекватности, надежности, результативности. Причем делать это надо было быстро и надежно, поскольку время больших изменений не прощало ошибок, небрежности или равнодушия. Можно сказать, что наш коллектив в своем профессиональном развитии в ускоренном виде проходил основные этапы развития западной социологии.

При этом важной и, может быть, главной особенностью нашего Центра стало принципиальное сочетание двух направлений работы, которые в социальных исследованиях на Западе давно и, скорее всего, бесповоротно разошлись. В развитых обществах Европы и США социология (а она всегда обращена к конкретному социуму, который исследует) после 1960-х годов постепенно превратилась в достаточно благополучную и рутинную дисциплину, чей академический статус и сложившийся образ мира время от времени пытаются поколебать одинокие инсургенты вроде гендерного подхода, мультикультурализма, постколониальной теории и т. п. Эмпирические зондажи общественного мнения при этом с академическими штудиями не связываются: они руководствуются собственными технологическими стандартами и корпоративными нормами, нося характер регулярного, мягкого слежения за более и менее устойчивым состоянием современных обществ. Понятно, что подобная «сверка часов» становится нужнее в моменты запрограммированных изменений вроде выборов, вокруг принятия важных правительственных решений, касающихся всей страны, или, напротив, после внезапных катастрофических событий, опять-таки затрагивающих жизнь всей нации (как, например, 11 сентября в США).

Совершенно иная ситуация – в постсоветском социуме. Он во многом сохраняет мобилизационный характер, где отношения между центром и периферией, властью и массой складываются принципиально иначе, нежели в развитых, модерных обществах Запада. Больше того, советская модель этих отношений, построенная на жестком противопоставлении и репрессивном контроле властного центра над всеми формами коллективной жизни, находится сейчас в состоянии общего, резко выраженного и практически неуправляемого распада, перерождений, новообразований (в медицинском смысле слова). В этих условиях рейтинги первых лиц и линейные распределения ответов на стандартизированные вопросы – конечно же, не венец, а лишь грамотное начало собственно исследовательской работы. А сама она состоит в реконструкции и понимании ориентиров и мотивов опрошенных людей, групповых и институциональных рамок их деятельности, социальных процессов, определяющих их пристрастии и антипатии, надежды и страхи, ответы и умолчания. Без подобной систематической рефлексии и теоретической аналитики даже самые многокрасочные графики остаются и останутся всего лишь витринным муляжом проведенной работы, эпигонской, внутренне зависимой попыткой показать, что и у нас «всё как у больших».

Повседневное и систематическое сочетание двух этих планов – эмпирической и аналитической – исследовательской практики, при поддержании их достойного профессионального уровня, – вот тот тип социологической работы, который был задан Ю.А. Левадой и которому следует наш коллектив. Важно еще одно: эта идея была реально воплощена в структуре отделов Центра, в общей конструкции нашего журнала (до 2003 года – «Мониторинг общественного мнения», далее – «Вестник общественного мнения»). Большой массив таблиц и графиков соединяется в каждом из девяноста номеров журнала с несколькими крупными аналитическими статьями по проблемам экономики, политики, культуры нынешнего российского социума. Они принадлежат не только сотрудникам Центра, но и широкому кругу наших коллег и друзей в стране и за ее рубежами[4].

[4] Интенсивность работы Центра скрывает одно обстоятельство: в целом это небольшой исследовательский коллектив, много меньше численности персонала академического института средней руки.

Задачей представить эту работу в самых общих чертах и определяется настоящий сборник. Понятно, что он по неизбежности ограничивается отдельными текстами включенных в него авторов. Из более чем 700 статей, опубликованных в «Мониторинге» и «Вестнике» с марта 1993 года до нынешнего дня, мы были вынуждены отобрать лишь 34.

Как нам кажется, они представляют разнообразие тематики и методических подходов в исследованиях трансформации постсоветского общества, концепций и возможностей анализа полученного материала. Отбирая статьи в сборник, мы исходили из двух критериев: с одной стороны, отобразить результаты наиболее важных исследований разных периодов нашей деятельности, а с другой – представить широкий круг наших авторов, ограничившись включением одной статьи каждого. Некоторые исключения продиктованы желанием не оставить в стороне важные для Центра темы. Ряд материалов мы из-за ограниченного объема книги все-таки не смогли взять, о чем очень жалеем.

Остальное – за читателями.

Лев Гудков, Борис Дубин

Татьяна Заславская
Как рождался ВЦИОМ

Татьяна Ивановна, как Вы считаете, десять лет ВЦИОМу – это много или мало?

Я бы скорее сказала, что много, потому что время у нас сейчас такое, что каждый год, как на войне, надо засчитывать за три. В эти десять лет уложилась такая громадная история, что я бы никак не оценила этот срок как маленький. Вообще, сам этот вопрос носит несколько двусмысленный характер, его можно понимать и в том смысле, молодое учреждение ВЦИОМ или старое, много у него еще сил или он уже идет к своей гибели. Мне кажется, ВЦИОМ жил настолько интенсивно и в его истории было столько сложных политических и счастливых моментов, что это много. И второй смысл, который я в это «много» вкладываю, – ВЦИОМ как профессиональная организация за десять лет давно уже перестал быть молодым и неопытным. Мне кажется, во ВЦИОМе уже наработан достаточно высокий профессионализм.

При организации ВЦИОМа на какой опыт Вы опирались? Лично у меня собственного опыта в этой области не было. Я занимаюсь экономической социологией и социологией села. А образцом для меня был Институт демоскопии – центр изучения общественного мнения в ФРГ, возглавляемый Э. Ноэль-Нойман. Я его посещала дважды. Первый раз в составе советской делегации в 1972 году, во второй – в 1989-м, когда я получила премию им. Карпинского в фонде FFS в Гамбурге, в честь этого для меня было организовано турне по социологическим центрам страны. И тогда, и раньше, в 1972 году, Институт демоскопии произвел на меня просто ошеломляющее впечатление. Сравнительно небольшое здание, очень небольшой коллектив сотрудников (порядка 30–40 человек, не больше), гигантский объем работ, многие сотни опросов в год… Продумано все до мелочей, техническая база – на совершенно недоступном тогда для нас уровне, и фантастическая четкость организации, особенно по сравнению с нами – мы, россияне, крайне неорганизованные люди. У меня было ощущение, что я побывала в будущем веке. Мы в начале 70-х годов обрабатывали социологические данные на огромных электронных машинах БЭСМ и М-20, находившихся в Вычислительном центре СО АН СССР, стояли в очередях, подолгу ждали таблиц. Чуть пораньше, в 1967 году, мы провели громадное для тех времен обследование сельского населения, собрали 5 тысяч семейных и больше 10 тысяч индивидуальных анкет. Как Вы думаете, сколько времени обрабатывался этот массив?

Года три?

Два года. Конечно, работали не вручную, но машиносчетная станция, кодирование, перфорация, дырочки – это что-то столь допотопное, что страшно вспоминать. Да и наше неумение – ведь это был наш первый социологический опрос, причем проводился он вместе с Центральным статистическим управлением РСФСР, но и оно нам тоже ничем не могло помочь. У нас на машиносчетной станции работало человек 10–15, а в математическом центре Ноэль-Нойман – три человека. Когда она привела меня туда, я спросила, сколько времени будет продолжаться работа с массивом из 3 тысяч анкет, который в тот момент обрабатывался. Она не поняла: «Как – сколько времени?» Я решила уточнить свой вопрос, но про годы вроде неудобно спрашивать, да и с месяцами, пожалуй, можно попасть впросак, – спрашиваю: «Сколько дней?» Она рассмеялась: «Если бы мы считали время обработки на дни, эти люди здесь бы давно не работали». Речь шла о двух-трех часах.

Короче говоря, я восприняла этот центр как некоторое организационное совершенство. Река информации, интенсивная и эффективная работа сотрудников, огромная региональная сеть, постоянно работающая школа для интервьюеров, причем те две недели, пока они учатся,

им платят стипендию. А в 1989 году меня поразило, что все 12 лонгитюдных исследований Института демоскопии вел один-единственный научный сотрудник. В это было трудно поверить. Если бы я не посвятила два-три дня изучению этой удивительной организации, то, получив предложение организовать ВЦИОМ, скорее всего, ответила бы, что это слишком далеко от моей специализации. Конечно, я понимала, что мы никогда не дотянемся до такого уровня, но все-таки очень хотелось попытаться сделать что-то подобное, что-то в этом духе, что-то идущее навстречу… Говорят, «что русскому здорово, то немцу смерть», и действительно, думаю, что ни один немец не смог бы работать в таких условиях, в которых работали и работаем мы. Российская жизнь настолько своеобразна, что любая зарубежная идея или модель сама собой начинает перерождаться с учетом российских реалий. Поэтому и нам приходилось решать проблемы, о существовании которых немцы даже не подозревали, а если бы с ними столкнулись, то потеряли бы сознание. Одна из самых главных реалий, в которых мы существовали, состояла в том, что ВЦИОМ был создан не как независимый центр, а как организация при ВЦСПС и Государственном комитете по труду СССР. Все важные решения, которые мы принимали, – и организационные шаги, и подбор кадров – с самого начала шли под контролем руководства ВЦСПС, тогда как Э. Ноэль-Нойман была владелицей института, а это совсем другое дело. Правда, С.А. Шалаев, бывший в то время председателем ВЦСПС, относился к ученым с большим уважением и не только сам никогда ничего не диктовал, но и несколько сдерживал свое агрессивное окружение. Неоднократно члены Президиума и Секретариата ВЦСПС требовали закрыть ВЦИОМ, и каждый раз С.А. Шалаев отводил от нас эту угрозу.

Таким образом, имея в голове некоторую идеальную модель, т. е. представляя себе, что такое хорошо организованный и четко работающий центр изучения общественного мнения, мы с коллегами попытались воспроизвести в российских условиях нечто похожее в той степени, в какой это было возможно в наших условиях. Когда С.А. Шалаев предложил мне организовать и возглавить первый в стране специализированный центр по изучению общественного мнения, я сразу посоветовала ему обратиться к Б.А. Грушину, который всегда мечтал создать подобный центр. С ним уже велись переговоры, но не смогли договориться. В конце концов я согласилась взять на себя руководство ВЦИОМом, но при обязательном условии, чтобы заместителем был Борис Грушин. Такая ситуация на первый взгляд полностью устраивала нас обоих: мой первый заместитель был лучшим специалистом в стране в этой области, чуть ли не всю жизнь посвятил изучению массового сознания, а у него – достаточно терпимый директор, который, как он полагал, будет чисто формально исполнять свои функции. К сожалению, наш альянс оказался не очень долгим – меньше двух лет. За это время Б.А. Грушин сделал очень многое, он действительно в основном поставил работу по изучению общественного мнения. Потом он организовал собственный (частный) центр изучения общественного мнения VP, где уже был полным хозяином, и ушел из ВЦИОМа.

> Если сравнить списки сотрудников ВЦИОМа бывших и настоящих, то бросаются в глаза очень сильные различия. Как Вы считаете, что сегодня осталось от ВЦИОМа образца конца 80-х годов?

Во-первых, остались люди – это фундаментальный факт. Остались Ю.А. Левада и весь его немалый коллектив, который пришел во ВЦИОМ в самом начале, в середине 1988 года; осталась и новосибирская группа – З.В. Куприянова, Э.Д. Азарх, Е.А. Дюк, Л.А. Хахулина. Эти две группы и сейчас, я бы сказала, образуют несущую конструкцию ВЦИОМ. В период становления ВЦИОМа пришел и В.М. Рутгайзер вместе с С.П. Шпилько, Л.Г. Зубовой, Н.В. Ковалевой, М.Д. Красильниковой. Потом постепенно они все ушли, кроме М.Д. Красильниковой, сохранившей и передавшей все традиции этого коллектива. Основной кадровый костяк – это, конечно, главное, что осталось, потому что сейчас и здание другое, и компьютерная техника обновлена, и персонал технический тоже. Заметно поменялся состав руководителей

региональных отделений. Большинство организовали свои собственные центры и по совместительству работают на ВЦИОМ. Но мне все же кажется, что дух прежнего ВЦИОМа живет. Ведь есть что-то такое непонятное, что можно назвать духом коллектива, учреждения, – какая-то сумма неписаных правил поведения и отношений между людьми, например демократический или авторитарный стиль управления организацией. У меня был стиль демократический, и у Ю.А. Левады стиль демократический. Значит, это осталось. И еще – не знаю, как назвать это в современных условиях, может быть, честностью… Но сейчас немножко расплылось это понятие. «Законопослушность» – тоже неправильно, потому что сейчас просто невозможно не принимать всяких мер, чтобы те небольшие деньги, которые удается заработать за границей, попадали не к ненасытному и равнодушному государству, а шли на закупку техники и другие нужды ВЦИОМа. Но мы никогда в свои карманы не клали никаких «теневых доходов», и это большая разница. Наверное, это можно назвать просто всеобщим духом порядочности. Это дискретная характеристика – он или есть, или его нет. В наше время порядочность может работать и против человека, и против коллектива, но это огромная духовная ценность. И еще, я думаю, осталось добросовестное отношение к работе, высокая профессиональная этика.

Вы назвали достоинства ВЦИОМа. А какие у него недостатки? Поначалу самым большим недостатком было, как мне кажется, то, что большая часть коллектива почти ничего не знала об изучении общественного мнения, т. е. начинали мы как профаны. Б.А. Грушин бегал по своему роскошному кабинету на Ленинском проспекте, хватался за голову и жутко переживал. Как специалист, он имел достаточно ясное представление, как надо, но, видя, что и как делается на практике, нередко приходил в отчаяние.

Все состояло из недостатков! Страшно затянулось, к примеру, решение проблемы обеспечения ВЦИОМа компьютерной и копировальной техникой. ВЦСПС выделил на закупку техники довольно крупную сумму валюты (порядка 500 тысяч долларов). Руководитель нашего будущего компьютерного центра А.А. Ослон заказал ее какой-то канадской фирме, якобы принадлежавшей миллиардеру и потому весьма солидной. Мы перевели деньги, а техники все не было и не было. Через несколько месяцев оказалось, что наш поставщик банкрот, и его жена уже чуть ли не в тюрьме или под судом, и что он не миллиардер, а прохиндей. Это все было просто ужасно, потому что все мы были крайне неопытны и натыкались на все острые углы. В конце концов мы все-таки «выбили» технику на переведенные деньги, но прошло минимум два с половиной года, пока нам удалось полностью сбалансировать свои финансы. В течение первого года в основном шло формирование региональной сети, без которой ВЦИОМ ничто. Поэтому в 1988 году мы провели всего четыре опроса, тематика которых была довольно случайна.

А ВЦСПС тем временем требовал результатов, ведь деньги были выделены, помещение выделено, штаты постепенно комплектовались, а серьезных результатов не было. Конечно, вэцээспээсовцам было трудно понять, что значило организовать учреждение совершенно нового типа, да еще в российских условиях. Только в конце декабря 1988 года ВЦИОМ наконец получил возможность провести первое серьезное исследование. Это был опрос «Новый год», подготовленный коллективом Ю.А. Левады и позже легший в основу лонгитюда. И опять-таки еще месяца три, наверное, обрабатывались его данные, так что даже возникла проблема: можно ли называть его «новогодним», если результаты публикуются лишь в апреле? Короче говоря, вся организация ВЦИОМа шла через пень-колоду и очень многое не ладилось. Только устроили региональное отделение, выясняется, что его руководитель совершенно не подходящий, отлынивает от работы, халтурит и т. д.

Адски тяжелой была проблема коммуникаций. Центр Ноэль-Нойман получал информацию от своих региональных представителей оперативно – по телефону, факсу, модему. Сегодня проведен опрос – завтра все данные уже в Алленсбахе. Ну а у нас еще был Советский Союз, региональные отделения во всех республиках, в Сибири и на Дальнем Востоке. Как доставлять

туда пустые анкеты и получать обратно заполненные? Специальных курьеров нанимать – у нас денег не было. Почта, особенно в то время, шла месяцами, и половина посылок не доходила. Ни факсов, ни модемов не было в природе, об этом мы даже не могли мечтать. Поэтому посылали анкеты (туда – чистые, оттуда – заполненные) либо с проводниками поездов, либо через кого-то из пассажиров самолетов. Лично этих людей, конечно, не знал никто: ездили встречать определенный рейс, а среди пассажиров – «женщину в красном берете» или «старичка с палочкой», фамилия такая-то. Едут встречать этот рейс, спрашивают фамилии – и нередко пропускали того, кто нужен. Транспортировка анкет довольно долго была очень серьезной проблемой, она стояла и после того, как мы в 1991 году переехали на Никольскую. Однажды была упущена и пропала большая посылка с анкетами из Алма-Аты. Наш сотрудник опоздал к поезду, когда он приехал, поезд был уже на запасном пути, и анкеты не нашли. А исследование было международное, иностранный заказчик, естественно, отказался принимать массив без Казахстана. Сроки поджимали, но все же пришлось заново проводить опрос в Казахстане, а затем передавать анкеты через надежного человека, летящего самолетом.

Что в этих условиях можно было внедрить из западных технологий? У Ноэль-Нойман в каждом регионе, охватывающем пять – восемь населенных пунктов, был специальный контролер, вся работа которого заключалась в том, что он ездил по точкам опроса и проверял, как работают интервьюеры. Методисты ее института без конца запускали различные тесты, о направленности которых не подозревали интервьюеры и опрашиваемые, но с помощью которых проверялось, выдерживаются или не выдерживаются требования к выборке, технике и процедуре опроса. Нам это в первые годы и в голову не могло прийти. Для нас руководители региональных отделений были в каком-то смысле «вне критики», потому что они были самыми квалифицированными людьми в своем окружении. Среди них было несколько молодых кандидатов наук, и мы считали (вынуждены были считать), что все виды контроля – это их дело, а мы не можем из Москвы проконтролировать, как реально ведется опрос в Душанбе или Хабаровске. Борьба за качество и надежность информации, которые обеспечиваются многими ступенями технологии, – проходная линия в развитии ВЦИОМа. Ведь причин, по которым информация может оказаться ненадежной, множество, а путь к обеспечению ее достоверности, в общем, один.

Вы согласны с мнением, что ВЦИОМ был создан по социальному заказу?

«Социальный заказ» можно понимать в двух противоположных смыслах, все зависит от того, что рассматривать в качестве социума. Если его понимать как заказ общества, иными словами, как общественную потребность в изучении общественного мнения, тогда я абсолютно согласна. Более того, именно по этой причине я согласилась взять на себя руководство ВЦИОМом. Я ведь хорошо знала, как поставлено изучение общественного мнения в Венгрии, Польше и других социалистических странах и переживала, что у нас ничего подобного не было. В СССР шла перестройка, начинались реформы, которые должны были неизбежно задеть интересы самых широких масс людей. Я не представляла себе, как можно управлять нестабильным, активно реформируемым обществом без надежной обратной связи, которая информировала бы реформаторов о том, как воспринимают эти реформы разные группы людей и как меняется их положение. Во всяком случае, в моей душе, в моем сознании этот социальный заказ звучал с большой силой, это была главная мотивация. Тогда идея служения обществу вообще была достаточно сильной: перестройка, Горбачев, эйфория, свобода… Поэтому, я думаю, многие люди пришли во ВЦИОМ не без какого-то светлого ожидания, что их деятельность будет полезной, поможет наладить связь между властью и народом, станет частью процесса демократизации страны.

А если понимать социальный заказ как заказ, например, Горбачева для того, чтобы получать те данные, которые ему хочется, – в этом смысле, конечно, нет. В 1988 году ЦК КПСС

принял постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в развитии советского общества», одним из пунктов которого было создание сети центров изучения общественного мнения. ВЦИОМ же был создан в конце 1987 года, когда постановление еще только готовилось, т. е. этот «социальный заказ» уже осмысливался. Причем за возможность создания этой сети боролась, с одной стороны, советская Социологическая ассоциация, а с другой – прогрессивные сотрудники ЦК КПСС, которых было, кстати, немало. В частности, за проект постановления о социологии отвечали В.П. Можин, исполнявший обязанности заведующего экономическим отделом, и Г.С. Саркисянц из отдела науки. Так что можно уверенно сказать, что было много людей, которые понимали необходимость изучения общественного мнения для дела, для эффективного управления перестройкой, а вовсе не для манипулирования цифрами.

А в чем заключается роль ВЦИОМа сегодня?

Конечно, сейчас она очень сильно переменилась. Создание ВЦИОМа явилось первым толчком к формированию широкой сети центров изучения общественного мнения в стране, потому что подавляющее большинство центров, действующих ныне на периферии, – это бывшие региональные отделения ВЦИОМа. До начала 90-х годов ВЦИОМ был единственным крупным профессиональным центром изучения общественного мнения в СССР. Он был настолько профессионален и надежен, насколько это вообще было возможно в то время. Большая его заслуга – это инициация возникновения региональных центров во всей России, их техническое оснащение и методический тренинг. Теперь же ВЦИОМ – *один из* десятков и сотен центров изучения общественного мнения в стране. При этом он остается самым крупным и, как утверждают время от времени, самым надежным и солидным центром изучения общественного мнения. Но вместе с тем теперь он только *один из* и, следовательно, прежняя функция новатора-«провозвестника» отпала.

Второе существенное изменение – это то, что ВЦИОМ стал коммерческой организацией. Сначала на его содержание и деятельность выделялась твердая сумма денег, половину которой давал Государственный комитет по труду СССР, а другую – ВЦСПС. Короче, у нас было бюджетное финансирование. А как формировалась тематика опросов? В первые годы наши сотрудники были вынуждены ходить по коридорам и кабинетам ВЦСПС, доказывать, убеждать их, владельцев, что им важно знать общественное мнение по тем вопросам, которыми они занимаются, предлагать им провести исследования. Но у большинства профсоюзных работников просто не было такой потребности. Они говорили, что и так все знают, часто бывают в городах, на фабриках и заводах и им не нужны наши опросы. Примерно до середины 1989 года мы не могли набрать у своих учредителей заказов на ту сумму, которая нам все равно выделялась из бюджета. До поры это нам прощалось, мы получали у ВЦСПС разрешение докупить на «сэкономленные» деньги технику, выдать премии сотрудникам, сделать ремонт – ведь тогда за каждую копейку надо было отчитываться. Но потом ВЦСПС очень невзлюбил ВЦИОМ в связи с тем, что проведенные нами опросы выявляли весьма критическое отношение трудящихся к профсоюзам. В конце концов было решено переводить нам деньги только за проведенные исследования, а заказы шли по-прежнему туго, так что часто денег стало не хватать на главное. Приходилось идти к С.А. Шалаеву и просить его, во-первых, перевести деньги сверх набранных заказов – зарплатуто людям надо было платить, и, во-вторых, объяснить своим людям, что общественное мнение нужно знать. Ну а в 1992 году ВЦСПС просто распался, так как Союза не стало, а Государственный комитет по труду СССР превратился в Государственный комитет по труду РФ, и у ВЦИОМа осталась лишь половина финансирования. Потом она все уменьшалась и уменьшалась, и сейчас ежегодная сумма заказов Государственного комитета по труду РФ покрывает примерно 10 % расходов ВЦИОМа, а на 90 % ему, как и всем, приходится «кормить» себя самостоятельно. Это, конечно, в корне меняет характер его деятельности. В 1988–1991 годах одной из моих головных болей было, как совместить изучение общественного

мнения по конкретным текущим вопросам с научными социологическими исследованиями, т. е. как сочетать обслуживание потребностей управления с решением научных задач. А сейчас одна из главных задач ВЦИОМа – обеспечить достойную оплату труда своим сотрудникам и региональных отделений, обновлять технику и т. д. Для этого надо систематически искать заказы, и если они экономически выгодны, то соглашаться на любые предложения: «Пепси» так «Пепси», табак так табак – важно, что за это деньги платят. Другое общество – другая жизнь ВЦИОМа. Но все-таки научным сотрудникам ВЦИОМа удается совмещать и такую жизнь с ведением углубленных исследований: издается прекрасный, высокоинформативный журнал, публикуются интересные статьи, а иногда и книги, защищаются диссертации.

В условиях, когда оплачиваемых заказов на научные исследования нет совершенно, их можно проводить только за счет экономии и перераспределения средств, зарабатываемых на рыночных заказах.

Чего бы Вы пожелали ВЦИОМу на следующие десять лет?

К сожалению, мои личные пожелания не гарантируют благоденствия организации. Но если уж говорить об этом, то в первую очередь я пожелала бы ВЦИОМу прочного и устойчивого финансового положения. Убеждена, что высококвалифицированный коллектив ВЦИОМа способен решать другие, намного более сложные задачи, чем сейчас. Но когда все время приходится думать о том, что на следующий месяц может не быть зарплаты, то решать самые сложные и методологические задачи становится трудно. Прочная финансовая база – не самоцель, а необходимое условие и средство к решению других задач. Что же касается цели, то я бы пожелала ВЦИОМу и дальше стараться как можно более эффективно использовать тот огромный, океаноподобный материал, который им собран и продолжает собираться, для глубокого анализа социальной трансформации российского общества. Одновременно я желаю российской власти отвлечься от повседневной текучки и заинтересоваться наконец состоянием общества, развитием которого она стремится руководить, чтобы власть поняла, что без активного участия общества никакие реформы не пройдут, и серьезно захотела знать общественное мнение о реформах. Нельзя сказать, что сегодня власть совершенно им не интересуется, но, мне кажется, что у государственных органов РФ нет настоящего вкуса к общественному мнению. Во время выборов желание, чтобы утром на столе лежала бумажка с динамикой рейтингов, есть, а по отношению к тому, что как раз составляет основу, – социально-экономическим вопросам, связанным с условиями жизни народа, – этого нет. Не видно и того, чтобы результаты опросов общественного мнения учитывались в практической деятельности правительства. Широкая публика уже заинтересовалась общественным мнением – отражающие его таблицы в газетах привлекают очень большое внимание. Все их смотрят, в том числе потому, что интересно свериться, думают ли люди так же, как ты или наоборот, т. е. и народ заинтересовался, да и власть хоть и медленно, но просыпается. Но проявляемый ею интерес к общественному мнению во время выборов – это не государственный, а эгоистический интерес. И мне это представляется симптомом того, что новую российскую власть рано считать цивилизованной.

Беседу вела Тинатин Зурабишвили

Борис Грушин
На дальних и ближних подступах к созданию ВЦИОМа

Первые свидетельства возникновения у руководящих органов власти выраженного интереса к изучению общественного мнения в стране появляются в 1983 году на июньском Пленуме ЦК КПСС, в постановлении которого вслед за привычной риторикой насчет того, что партия располагает многими каналами гибкой, оперативной связи, позволяющей чутко улавливать изменения в настроениях масс, глубоко изучать их интересы и потребности» и т. п., шло долгожданное признание: «В современных условиях *назрела необходимость* создания специальной системы изучения потребностей, мнений и настроений трудящихся масс, опирающейся на специфические методы выявления и анализа общественного мнения и позволяющей получать по любому вопросу, в любой момент надежную, представительную и в масштабах всей страны информацию». С целью решения этой задачи Пленум признал необходимым создать Всесоюзный центр изучения общественного мнения и поручил Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС внести предложения об организации этого центра[5]. Однако рождение долгожданного ВЦИОМа в 1983 году, увы, не состоялось, как не состоялось оно и в следующие четыре года вплоть до декабря 1987-го.

Все дело упиралось в элементарную неспособность принимавших решения субъектов прийти к согласному ответу на вопрос: в рамках какой именно управленческой структуры (или, как сейчас бы сказали, «под чьей крышей») стоило лучше всего организовывать Центр, дабы деятельность его была максимально успешной. Вопрос в самом деле был далеко не из легких, тем более что европейские страны социализма демонстрировали разные модели его решения: в одних случаях (чаще всего) это были службы, так или иначе связанные с национальными системами радио и телевидения (Польша, Венгрия, Румыния), в других – с государственными учреждениями вроде Совета министров (Польша) или Национального статистического управления (Чехословакия, Прага), в третьих – с национальными академиями наук (Чехословакия, Братислава), в четвертых – с партийными органами (Болгария, ГДР).

Очевидно, выбор лучшей «крыши» для ВЦИОМа напрямую зависел от того, какие именно характеристики деятельности Центра расценивались создающими его людьми в качестве наиболее важных, могущих обеспечить максимальный успех, наибольшую эффективность его деятельности. На взгляд социологов, сочинивших приведенный проект постановления Секретариата ЦК КПСС, из всех таких conditio sine qua non рассматриваемой деятельности, безусловно, самыми главными следовало считать следующие четыре:

• высокий *профессионализм* руководителей и рядовых сотрудников Центра, базирующийся на глубоком понимании предмета деятельности, владении широким комплексом знаний, касающихся теоретического, методологического и методического освоения предмета, а также на солидном практическом опыте его изучения, владении навыками и умениями, касающимися процедур сбора, обработки и анализа производимой информации;

• максимально возможная *объективность* производимой информации, достигаемая путем исключения (минимизирования) какойлибо зависимости процессов ее производства от разного рода внешних (цензурных и иных) воздействий и влияний на содержание программ и результатов анализа произведенной информации;

• максимально возможная *открытость* результатов деятельности, обеспечиваемая широким использованием существующих в обществе средств и каналов массовой информа-

[5] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 года. М., 1983. С. 79. (Выделено мной. – *Б.Г.*)

ции, а также изданием собственных информационных материалов (отчетов, бюллетеней, журналов, книг);

• достаточное *финансовое обеспечение* рассматриваемой деятельности, способность и готовность выделять для ее реализации немалые денежные средства, имеющие в виду заработную плату штатных сотрудников, занятых в Москве и в региональных отделениях Центра, а также внештатных работников, занятых по договорам; оплату аренды и содержания рабочих помещений; приобретение и поддерживание в рабочем состоянии солидного парка электронной и иной техники; издательскую деятельность, связанную с тиражированием полевых и иных документов, распространением итоговых результатов исследований и т. д.

Таким образом, получалось, что для успеха дела создаваемый Центр надо было – в той или иной форме[6] – ввести под «крышу» такого учреждения, руководители которого а) понимали бы, о чем идет речь, и с большим или меньшим интересом относились к итогам социологических исследований[7], б) принимали бы как норму самостоятельность действий Центра, не вмешивались в его работу, ограничиваясь участием в планировании (долгосрочном и краткосрочном) этой работы, а также оценкой ее результатов, в) всячески споспешествовали бы ознакомлению с производимой Центром информацией широких масс населения, а также разного рода органов управления, образования, воспитания, в той или иной форме работающих с массами, и г) были в состоянии финансировать деятельность Центра в довольно крупных размерах.

Увы, советские социологи и в этот, очередной, раз не смогли добиться успеха в своих отношениях с институтами власти. О создании ВЦИОМа с 1983 года вплоть до 1987-го в верхах практически даже не вспоминали.

Только 17 июля 1987 года ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли Постановление № 825 «Об усилении работы по реализации активной социальной политики и повышении роли Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам», в котором «в целях изучения и использования общественного мнения советских людей по важнейшим социально-экономическим проблемам» было «признано целесообразным создать» Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам при ВЦСПС и Госкомтруде СССР.

А затем, как говорится, и года не прошло, как оба названных учреждения, которым высшие органы власти поручили сыграть роль «крыши» для ВЦИОМа, во исполнение постановления № 825 создали-таки долгожданный Центр, приняв собственное постановление на этот счет 7 декабря 1987 года под замысловатым номером 12-2а/729. Основные пункты содержания этого постановления были следующими:

> 1. Образовать Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам при ВЦСПС и Госкомтруде СССР в г. Москве с 25 опорными пунктами, расположенными во всех столицах союзных республик и в ряде других городов страны.
>
> 2. Утвердить следующие основные направления деятельности Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам:

---

[6] Судя по опыту европейских стран социализма, эти формы могли варьировать в диапазоне от предоставления соответствующей (подобной ВЦИОМу) службе практически *полной самостоятельности* до конституирования службы в виде некоего «придатка», своего рода *«дочернего» учреждения*, существующего *при* учреждении-«крыше», и – еще дальше – до полного включения службы *в состав* учреждения(«крыши» в качестве одного из его структурных подразделений.

[7] В этой связи я всегда вспоминаю об одной из моих бесед, случившихся в середине 70-х, с бесподобным руководителем тогдашнего советского радио и телевидения С.Г. Лапиным, который, резко отринув мое предложение о создании в Гостелерадио СССР какойлибо службы изучения аудитории Центрального ТВ, изрек бесподобное: «Зачем выяснять, что́ люди смотрят по телевидению, если нам и без того известно: они смотрят то, что мы им показываем».

• исследование общественного мнения населения страны и его профессиональных, демографических, национальных и других групп по проблемам рационального использования трудовых ресурсов, повышения эффективности труда и его стимулирования, усиления действенности социальных факторов, более полного удовлетворения потребностей советских людей и другим важнейшим социально-экономическим вопросам, относящимся к деятельности ВЦСПС и Госкомтруда СССР;

• разработка предложений по учету общественного мнения, способствующих подготовке управленческих решений, а также исследований эффективности их проведения;

• подготовка предложений по использованию средств массовой информации для формирования общественного мнения по крупным проблемам труда и социального развития;

• совершенствование методов проведения анализа, обобщения и эффективного использования общественного мнения в практической работе профсоюзных органов и органов по труду и социальным вопросам.

3. Для обсуждения и решения методологических и организационных задач, стоящих перед Всесоюзным центром, и координации его работы с другими учреждениями и ведомствами создать Совет центра из числа специалистов и представителей заинтересованных организаций.

4. Поручить руководству Всесоюзного центра совместно со Сводным отделом ВЦСПС по вопросам социального развития и Сводным отделом по труду и социальным вопросам Госкомтруда СССР подготовить и внести в месячный срок на утверждение Секретариата ВЦСПС и коллегии Госкомтруда СССР:

• Положение о Всесоюзном центре изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам;

• Положение о Совете Всесоюзного центра.

5. Определить общую численность Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам в г. Москве в составе 80 человек с годовым фондом заработной платы 240 тыс. за счет численности и средств профсоюзных органов и органов по труду и социальным вопросам, расположенных в г. Москве.

Секретариату ВЦСПС и коллегии Госкомтруда СССР по представлению Всесоюзного центра определить его структуру и штаты, ежегодно утверждать планы работы и смету расходов Всесоюзного центра, включая средства на содержание опорных пунктов.

<…>

8[8]. Советам и комитетам профсоюзов, органам по труду и социальным вопросам, хозяйственным руководителям, профсоюзным комитетам объединений, предприятий, организаций и учреждений оказывать Всесоюзному центру изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам необходимую помощь и содействие в проведении соответствующей работы непосредственно в трудовых коллективах и среди населения.

[8] В данной публикации опущены два пункта рассматриваемого постановления – 6-й и 7-й, где речь шла о должностных окладах работников центра, а также о порядке и размерах их премирования за успешную работу.

Итак, 7 декабря 1987 года, после многих лет борьбы и ожиданий, Рубикон все же был перейден! Однако, на мой взгляд, как и на взгляд многих других инициаторов, участников и сторонников создания ВЦИОМа, этот переход совершился отнюдь не в лучшем, а скорее всего даже в худшем из всех возможных мест. В тогдашние бурные времена находившиеся в полной зависимости от партии профсоюзы отличались ярко выраженной несамостоятельностью и беспомощностью в решении разного рода конкретных злободневных (острых) проблем бытия и потому, мягко говоря, не пользовались сколько-нибудь значительным авторитетом у широких масс населения. Как показали уже первые опросы ВЦИОМа, при оценке меры позитивного участия в процессах перестройки различных типов социальных субъектов люди вспоминали о профсоюзах едва ли не в самую последнюю очередь, относясь к ним с гораздо меньшим доверием, чем ко многим другим социальным институтам, учреждениям и организациям[9]. И это обстоятельство, конечно же, не могло не вести к снижению интереса респондентов к вопросам интервьюеров, ведущих разговор от имени ВЦСПС, а стало быть, и к увеличению разного рода не контролируемых исследователями искажений в картине действительного положения дел.

Словом, выбранная руководителями партии и правительства «крыша» для ВЦИОМа была откровенно «дырявой». И не только в сфере отмеченных взаимоотношений с ВЦСПС изучаемых масс, но и в сфере взаимоотношений с ВЦСПС самого ВЦИОМа: ведь значительная часть высшего ранга руководителей профсоюзов, занятых в центральном аппарате этой организации, являла собой, можно сказать, цвет тогдашней советской бюрократии, с характерными для нее, помимо прочих, такими свойствами, как отсутствие подлинного интереса к своему делу, чисто формальное отношение к нему и боязнь вызвать неудовольствие «начальства», потерять свое «доходное место».

В этом автор постоянно убеждался в ходе множества контактов с руководящими работниками ВЦСПС, включая тех, кому Президиум этой организации поручил «курировать» деятельность ВЦИОМа, т. е. направлять ее в нужное русло, контролировать ее результаты, давать всевозможные «ц.у.» (= ценные указания) и т. д.

Первая из таких встреч состоялась 22 сентября 1987 года на совещании у заместителя председателя ВЦСПС В.Г. Ломоносова, когда тот, пригласив к себе 10–12 социологов и журналистов, сообщил им, что возглавляемое им учреждение должно создать в ближайшее время «некий центр по изучению общественного мнения», и попросил рассказать ему, о чем тут, собственно, может идти речь, если руководители страны (цитата) «и без того могут получить любую информацию о мнениях и настроениях людей по уже существующим в обществе каналам – партийным, профсоюзным и иным». Старая песня! Поэтому в своем выступлении на этом совещании я, ответив в двух словах на пару вопросов, вызвавших дискуссию, порекомендовал председательствующему в целях повышения своей компетентности прочесть хотя бы несколько статей, а то (бог даст) и какую-нибудь книжку по обсуждаемому предмету, чем вызвал плохо скрытое неудовольствие видного партийного бонзы[10].

Как мы помним, выше были названы четыре принципиальных свойства, которыми должно было бы обладать учреждение-«крыша» (а точнее, руководство такого учреждения), для обеспечения наиболее успешной деятельности ВЦИОМа. Так вот в случае с ВЦСПС и Госкомтрудом СССР налицо было практически полное отсутствие трех первых и наиболее важных из этих четырех свойств – прежде всего понимания смысла и значения проводимых

[9] Именно таков был, в частности, результат проведенного ВЦИОМом исследования состояния умов участников забастовок в Донбассе и Кузбассе в июле 1989 года. На фоне общего кризиса доверия масс ко всем типам традиционных властных структур на всех уровнях социальной иерархии (особенно высшем) о своем доверии к собственно ВЦСПС заявило скандально малое количество (всего 1 %!) опрашивавшихся горняков.

[10] До работы в ВЦСПС В.Г. Ломоносов был председателем Среднеазиатского бюро ЦК КПСС, 2-м секретарем ЦК КП Узбекистана, председателем Госкомитета по труду и социальным вопросам.

Центром опросов общественного мнения[11]; затем предоставления социологам полной самостоятельности при решении разного рода методологических и методических задач, связанных с проведением исследований; и, наконец, заботы о широком распространении производимой Центром информации. Более того, даже в отношении финансирования деятельности ВЦИОМа в выбранных учреждениях-«крышах» не раз и не два возникали какие-то сложности, нарушавшие нормальный ход вещей.

Однако, несмотря на все явные минусы принятого верховными органами власти решения, а также на связанные с ними огорчения, изменить возникшую ситуацию, понятное дело, было абсолютно невозможно. И поэтому, когда действовавший в качестве «офицера по связи с социологами» ответственный работник ВЦСПС В.Г. Веретенников попросил меня (от имени С.А. Шалаева) помочь профсоюзам с созданием ВЦИОМа, я, естественно, сразу же и без всяких оговорок включился в работу по подготовке документов, конституирующих деятельность Центра.

Этот разговор состоялся в конце октября 1987 года.

А 17 декабря 1987 года председатель ВЦСПС С.А. Шалаев познакомил нас со своим замом В.Г. Ломоносовым и секретарем ВЦСПС Т.Г. Турысовым (назначенным быть «дядькою» ВЦИОМа) и пожелал нам «всяческих успехов».

[11] Разумеется, в руководящем аппарате ВЦСПС и Госкомтруда СССР встречались и такие сотрудники, которые понимали историческую значимость ВЦИОМа, причем не столько в жизни их собственных учреждений, сколько в жизни общества в целом.И, к счастью, в их числе оказались руководители обоих учреждений – председатель ВЦСПС С.А. Шалаев и первый заместитель председателя Госкомтруда СССР Л.А. Костин, которые при нужде оказывали необходимую помощь ВЦИОМу в нелегких процессах его становления.

Проблемы социальной трансформации

Татьяна Заславская
О социально-трансформационной структуре российского общества[12]

В качестве целей, легитимирующих реформирование постсоциалистических обществ, обычно рассматриваются: формирование сильного правового государства, демократизация политической власти и общественной жизни, становление конкурентной рыночной экономики со сбалансированным развитием государственного и частного секторов, повышение качества жизни и рост благосостояния народа. Однако фактические результаты трансформации этих обществ оказались иными. В России вместо сильного правового государства возникло слабое и криминализованное, где господствуют правовой беспредел и тотальная коррумпированность властных структур. Вместо конкурентного рынка, базирующегося на активности мелких и средних предпринимателей, сформировался полукриминальный монопольный рынок, главными действующими лицами которого являются квазигосударственные промышленно-финансовые корпорации. Национальное производство неуклонно сжимается, падает уровень благосостояния граждан, доходы 10 % наиболее богатых семей в 20 раз превышают доходы наиболее бедных. Обобщающим социальным итогом реформ служит снижение ожидаемой продолжительности жизни россиян на 4–5 лет. Таким образом, результаты трансформационных процессов, возникших под влиянием реформ, скорее противоположны тем целям, ради которых они начинались[13].

Чаще всего это объясняют ошибками реформаторов, недостаточным знанием и пониманием ими России. В действительности, однако, правящий слой, в основном сохранивший свои позиции, использовал период демократической эйфории для реализации собственных интересов. Под прикрытием либеральных идей частично обновленная элита успешно овладела политической властью, государственной собственностью и финансовыми ресурсами страны, в то время как остальная часть общества стала жертвой обмана и самообмана.

Определенную ответственность за это несет общественная наука, которая не смогла своевременно дать правильную оценку социальной направленности происходивших перемен и вероятных результатов преобразований, исходя из направленности интересов и соотношения сил главных участников процесса. Восполнению этого недостатка, на наш взгляд, может способствовать разработка концепции социального механизма трансформации постсоциалистических обществ. Она исходит из того, что в основе протекающих в этих странах трансформационных процессов лежат относительно устойчивые социальные механизмы, общее принципиальное устройство которых сочетается с существенными национальными особенностями, предопределяющими межстрановые различия в направлениях социальных преобразований. Принципиальное устройство этого механизма кратко описано в одной из наших работ[14], поэтому ниже более конкретно рассматривается лишь один из его элементов – социально-трансформационная структура общества.

---

[12] Обновленный вариант статьи, опубликованной в журнале «Общество и экономика» (1999. № 3–4).

[13] Более подробно об этом см.: *Заславская Т.И.* Социальные результаты реформ и социальная политика // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998. С. 3–11.

[14] *Заславская Т.И.* Постсоциалистический трансформационный процесс в России // Вестник РГНФ. 1998. № 3.

Подойти к этому предмету можно через понятие трансформационной активности социальных субъектов.

Трансформационная активность и ее субъекты

Под трансформационной активностью понимается совокупность таких действий индивидов, организаций и групп, которые прямо или косвенно вызывают сдвиги в базовых общественных институтах. Трансформационная активность амбивалентна по отношению к «добру» и «злу»: она охватывает не только конструктивную модернизаторскую, но и консервативно ориентированную реставрационную деятельность. Главными формами такой активности служат: а) целенаправленное реформирование общественных институтов; б) практическая инновационно-предпринимательская деятельность; в) адаптационное и реактивно-протестное поведение. Социальная направленность, интенсивность и степень согласованности названных форм активности – ключевые факторы развития реформ.

Конкретные формы и виды трансформационной активности нередко реализуются разными социальными субъектами. Например, целевой реформаторской деятельностью занимаются главным образом представители правящего слоя, в то время как поведение, выражающее социальный протест, характерно для представителей нижних слоев. Однако связь между содержанием активности и статусом социальных субъектов не однозначна. Чтобы перейти от классификации форм трансформационной активности к типологии субъектов общественных преобразований, посмотрим, какие требования к ним предъявляет участие в каждой форме активности.

Целенаправленной реформаторской деятельностью, как правило, занимаются сплоченные команды единомышленников, обладающие достаточно высоким статусом и возглавляемые сильными лидерами. В них входят представители верхних звеньев исполнительной власти, силовых структур, парламента, политических партий, а также примыкающие к ним идеологи. Конкретная направленность этого вида деятельности зависит от культурных характеристик ее участников: доминирующей системы ценностей, социально-политических взглядов, мотивированности групповыми или общественными интересами, уровня правосознания и морали. Эффективность же реформаторской деятельности во многом определяется компетентностью субъектов, их политической волей, знанием социальной реальности, умением предвидеть прямые и косвенные результаты принимаемых решений, самокритичностью и способностью к своевременному исправлению ошибок.

Для активного участия в инновационно-предпринимательской деятельности ее субъектам необходимы прежде всего образование, финансовый капитал и социальные связи. Из личностных качеств особенно важны инициативность, деловая хватка, готовность к риску и преодолению препятствий, стремление к независимости и профессионализм. Этим типом деятельности занимаются руководящие группы предприятий и фирм, органов местного самоуправления, средств массовой информации, негосударственных организаций, общественных движений. К другому типу ее субъектов относятся специалисты, инициирующие и внедряющие новые формы экономических и социальных отношений, а также лица свободных профессий.

Человеческое поведение более индивидуализированно и разнообразно, чем деятельность. Носителями различных стратегий поведения являются индивиды и группы, объединяемые сходными нормами-ценностями, типами менталитета, условиями жизнедеятельности. В целом же в качестве субъектов трансформационной активности выступают и физические лица, и малые группы, и трудовые коллективы, а также организации, органы управления, партии и движения. При этом индивиды и группы одновременно реализуют разные типы трансформационной деятельности и поведения.

Переход от анализа форм трансформационной активности к выделению типов ее макросубъектов возможен лишь при высоком уровне обобщения. Речь здесь должна идти о субъектах относительно небольшого числа укрупненных типов активности, т. е. о широких общностях индивидов, сходство объективного положения и (или) социокультурных характеристик которых обусловливает единство трансформационных функций. Правда, крупные социальные общности (категории, группы, слои), объединенные сходными взглядами, интересами и, главное, стремлением к солидарному действию, пока еще только формируются: их очертания очень расплывчаты, интересы слабо артикулированы, общие цели не осознаны. Это предтечи тех солидарностей и идентичностей, которым лишь предстоит сложиться в процессе формирования гражданского общества. Но, несмотря на свою незрелость, они привлекают большое внимание ученых.

Трансформационная структура общества

Этим термином мы обозначаем систему социальных макросубъектов, взаимодействие и борьба которых служат движущей силой качественной трансформации постсоциалистических обществ. Потребность в изучении этой структуры связана со стремлением понять, кто в конечном счете «несет ответственность» за сдвиги, происходящие в институциональной и социально-групповой структурах общества, какие социальные силы – сознательно или неосознанно – содействуют модернизации, консервации или реставрации общественного устройства и какими способами они этого добиваются. Понимание этого вопроса, на наш взгляд, исключительно важно для выработки эффективной стратегии дальнейших реформ.

Трансформационная структура отражает системное качество общества, особо значимое в период крутых перемен, – а именно его дееспособность как субъекта самореформирования и саморазвития. Это качество определяется соотношением и сравнительной активностью тех общественных сил, которые борются, с одной стороны, за либерально-демократические преобразования, а с другой – за возрождение и консервацию устаревших институтов. Меру этого качества можно назвать социально-инновационным или реформаторским потенциалом общества.

Трансформационная структура характеризует качество всего общества как целостности, включающей как социально активные, так и консервативно-периферийные группы. В этом смысле данное понятие противостоит точке зрения, согласно которой чуть ли не единственными и, уж во всяком случае, главными субъектами трансформационных процессов служат элиты и субэлитные группы. Вот одно из подобных высказываний: «Субъекты перехода… – это, очевидно, прежде всего новые элитные группы, городские и сельские предприниматели, а также та часть старых хозяйственных и других элит, которая по тем или иным причинам заинтересована в реформах. Это и есть новые авангардные группы. Именно доля этих групп и динамика их ориентации должны нас интересовать в первую очередь, если мы хотим понять направленность и уловить темп реформ в экономике, если намереваемся прогнозировать их ход»[15]. На наш взгляд, сказанное хотя и верно, но односторонне, поскольку прерогативой названных групп служат лишь некоторые, хотя и важные, виды трансформационной активности.

Изучение трансформационной структуры общества предполагает определение природы составляющих ее элементов, обоснование методов их идентификации. В основе функций, выполняемых элементами данной структуры в трансформационном процессе, равно как и вызываемых ими дисфункций, лежат характерные для них (доминирующие) типы активности. Сложность определения названных элементов связана с тем, что большинство социальных микросубъектов совмещает разные виды трансформационной активности. Дело несколько

[15] *Дискин И.Е.* Россия: трансформация и элиты. М.: Элтра, 1995.

облегчается тем, что эти виды можно ранжировать по силе влияния на трансформационный процесс. Например, целенаправленная реформаторская деятельность оказывает большее влияние на преобразование общества, чем участие в локальных инновациях; последнее же, в свою очередь, приоритетно по отношению к адаптационному или протестному поведению. То же можно сказать и о конкретных направлениях активности. Например, коррумпированные представители правящего слоя, на наш взгляд, утрачивают роль реформаторов, переходя в группу криминалов. Сказанное позволяет типологизировать индивидов, организации и группы в зависимости от тех форм и видов активности, которые определяют характер их главного вклада в трансформационный процесс.

Вертикальная проекция трансформационной структуры

Место социальных субъектов в трансформационной структуре существенно зависит от их положения в иерархии власти и собственности, определяющего содержание и возможности реализации их интересов. Разумеется, представители крупных общественных слоев не однородны по своим ценностям и потребностям, отношению к либеральным реформам, механизмам участия в преобразовании институтов, способам трансформационного поведения. Однако место субъектов в общественной иерархии в значительной мере определяет возможности, механизмы и силу их влияния на трансформационный процесс. Социальный статус сказывается как на содержании, так и на масштабах конструктивной и деструктивной активности субъектов. Возьмем хотя бы такой вид деструктивного поведения, как воровство. Если мелкое воровство представителей социального дна нередко служит способом выживания и часто сдерживает более разрушительные способы поведения, то крупные финансовые аферы государственной бюрократии, осуществляемые за счет массовых общественных групп, способны принципиально изменять реальное направление реформ, поворачивая их из либерально-демократического в традиционное, к сожалению, для России криминальное русло.

Современное российское общество состоит из правящего, верхнего, среднего, базового и нижнего слоев, а также социального дна, особенности которых описаны в наших прежних работах[16]. Каковы же особенности трансформационной активности этих иерархических слоев?

Правящий и верхний слои обладают важнейшими рычагами управления обществом. Их представители обосновывают главные направления реформ, облекают их в форму законов, организуют и контролируют институциональные преобразования, а также участвуют в крупномасштабной инновационно-предпринимательской деятельности.

Разные группы среднего слоя надо рассматривать дифференцированно. Так, среднее звено чиновничества руководит практической реализацией реформ на местах; бизнес-слой реализует социально-экономические инновации; профессиональные идеологи и гуманитарии обеспечивают политическое сопровождение реформ, преобразуют институты социальной сферы. Оппозиционное крыло среднего слоя выступает критиком осуществляемых мер, идеологом альтернативных программ, организатором новых гражданских структур. В целом активность среднего слоя – важный фактор трансформационного процесса. Ее главным содержанием служит распространение и закрепление результатов реформ, препятствующее реставрации прежних порядков.

Базовый слой с немалым трудом адаптируется к новым условиям, он озабочен в первую очередь проблемами физического и социального выживания. Большинство его представителей отчуждено от политики и мало причастно к инновационно-предпринимательской деятельности. Наибольшее влияние на трансформационный процесс оказывает адаптационное и

[16] *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–22.

протестное поведение этого слоя. В последнее время расширяются и радикализируются общественные движения его представителей против падения уровня жизни, невыплат зарплаты, роста безработицы и проч. Дальнейшее обострение экономической ситуации может превратить данный слой в трудноуправляемую силу.

Представители нижнего слоя общества обладают ограниченными адаптационными ресурсами, экономически и социально пассивны, склонны к подчинению судьбе. В этой среде преобладает фаталистический, деградационный, саморазрушительный тип адаптационного поведения, ведущий либо к преждевременной смертности, либо к пополнению социального дна. В экстремальных условиях не исключается участие этой части общества в стихийных выступлениях и бунтах.

Социальное дно в переходный период существенно расширяется и становится более агрессивным. Криминальное и теневое поведение его представителей существенно тормозит становление правового государства, рыночной экономики и гражданского общества.

Горизонтальная проекция трансформационной структуры

Социальный статус – в числе других факторов – определяет только потенциальную возможность участия субъектов в соответствующих видах деятельности, но отнюдь не делает его обязательным. Реальные же виды и направления их социальной активности зависят от самых различных обстоятельств. Люди, имеющие сходный статус, но воспитанные в разных культурных традициях, прошедшие разный жизненный путь и усвоившие разные ценности, могут иметь различные убеждения и, соответственно, по-разному действовать. В составе современного российского общества, пожалуй, наиболее четко выделяются группы, заинтересованные в либеральном и коммуно-патриотическом направлениях перемен.

Первые ориентированы на модернизацию общества в духе современных западных государств. Лидеры этого направления (Е. Гайдар, А. Чубайс, С. Кириенко) считают, что принципиальный курс проводившихся экономических реформ в целом был правильным и должен быть продолжен по существу, невзирая на лишения и протесты массовых групп. На наш взгляд, такая «непримиримая» позиция в известной степени родственна большевистской: независимо от того, хочет общество или нет, его хотят принудить двигаться к состоянию, отвечающему стремлениям правящего слоя[17].

Коммуно-патриотическое общественное движение, напротив, ориентируется на традиционные российские ценности, многие из которых носят консервативный характер и не соответствуют вызовам времени. Это: православие, державность, империя, соборность, социальное равенство и др. По мнению его участников, идеи демократии и либерализма не соответствуют ни менталитету россиян, ни стратегическим интересам России, поэтому продолжение начатого курса реформ совершенно бесперспективно. Лидеры движения выдвигают задачи возвращения большей части приватизированных предприятий в государственную собственность, восстановления военной мощи страны, введения государственного регулирования цен, реставрации планово-распределительной системы и проч. Крайняя часть коммуно-патриотов готова добиваться этих целей методами политического насилия[18].

Наряду с этими противоположными точками зрения набирает силу более взвешенная и реалистическая позиция, характерная для центристских движений. Ее суть заключается в том, что в условиях характерной для нашего времени глобализации процессов развития человечества повышение эффективности общественного устройства России является усло-

[17] Наиболее полное выражение эта идеология нашла в коллективной монографии: Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991–1997 / Под ред. Е.Т. Гайдара и др. М.: ИЭПП, 1998.

[18] См.: Экономические реформы в России: Итоги, перспективы / Отв. ред. В.П. Логинов. М., 1997.

вием выживания. Однако попытки механического перенесения современных западных институтов на российскую почву обречены на неудачу: преобразования, не соответствующие национальной культуре, будут неизбежно отторгнуты обществом. Политическая, экономическая и культурная модернизация общества должна базироваться на стратегии, соответствующей укорененным в России нормам и ценностям, принимаемым и поддерживаемым большинством населения[19]. Делаются достаточно серьезные попытки обосновать такую стратегию[20], однако социальные силы, стремящиеся «взять ее на вооружение» и способные бороться за ее воплощение в жизнь, пока еще только формируются. Правительству, занятому решением неотложных сиюминутных проблем, похоже, вообще не до стратегии. Правда, по сообщениям газет, какие-то программы разрабатываются и время от времени публикуются, но какого-либо влияния на реальную жизнь России это не оказывает. Государственная дума, только что пережившая выборы, занята собственными внутренними делами. Президент досрочно ушел в отставку, новые претенденты готовятся к выборам. Основная же часть населения не верит власти, отчуждена от политики и возлагает некоторые надежды только на В. Путина, способного навести в стране некоторый порядок.

Элементы трансформационной структуры российского общества

Социально-трансформационная структура России как таковая почти не исследована. Имеющаяся литература и эмпирические данные, связанные с этим вопросом, в лучшем случае позволяют построить теоретическую гипотезу, подлежащую проверке, развитию и уточнению. В порядке первого приближения элементами рассматриваемой структуры, на наш взгляд, могут считаться следующие социальные макросубъекты:

1. *Либеральная часть правящего слоя, ориентированная на модернизационные ценности*. Главными направлениями ее трансформационной активности в период нахождения у власти были приватизация и перераспределение государственной собственности, формирование новых политических и экономических институтов, налаживание их работы, стабилизация экономической ситуации. Значительная часть усилий тратилась этой группой на удержание и укрепление власти, преодоление постоянных внутренних и внешних кризисов (Чечня, Приморье, Белоруссия, НАТО и др.). Ее политическая деятельность совмещалась и совмещается с крупным частным и квазигосударственным бизнесом.

2. *Консервативно ориентированная часть правящего слоя*. В настоящее время в ее руках сосредоточены как формальные, так и реальные рычаги управления трансформационным процессом: принятие властных решений и контроль их выполнения. В состав этого макросубъекта входят верхнее и верхнее среднее звенья государственной бюрократии и сотрудников силовых структур. В политическом спектре эта группа близка к позициям левого центра. Она ратует за усиление роли государства в экономике, активизацию социальной политики и одновременно активно участвует в перераспределении власти и собственности.

3. *Социал-демократическая часть верхнего и среднего слоев* представлена активом соответствующих общественных движений и некоторой частью интеллигенции. Эта группа сравнительно немногочисленна, она не обладает ни властными позициями, ни широкой поддержкой трудящихся. Большинство ее составляют представители бывшего среднего слоя советского общества, не принявшие рыночных реформ в российском исполнении и видящие цель требуемых преобразований в создании социального рыночного государства. Наиболее заметную

[19] См., например: *Шмелев Н.П.* Авансы и долги: Вчера и завтра российских экономических реформ. М.: Международные отношения, 1996.

[20] Основные направления среднесрочной программы социально-экономического развития России // Экономическая наука современной России. 1998. № 1–2.

роль эта группа играет в модернизации институтов социальной сферы, формировании структур гражданского общества, а также в организации социально-протестных движений.

4. *Коммуно-патриотическая часть верхнего слоя* представлена преимущественно бывшей номенклатурой и, по крайней мере вербально, ориентирована на традиционные советские ценности. Основные направления ее активности – борьба за власть на региональном и федеральном уровнях, оппозиционная деятельность в представительных органах власти, противодействие либеральным преобразованиям на местах, попытки реставрационной деятельности в регионах «красного пояса», руководство соответствующими оппозиционными движениями.

5. *Представители крупного капитала* – «олигархи» и «новые русские» – представлены собственниками и менеджерами промышленно-финансовых корпораций, крупных банков, предприятий и фирм. Стратегические интересы этой группы связаны с развитием рыночных институтов, социально-экономической стабилизацией, укреплением правопорядка, а также интеграцией России в мировую экономическую систему. Однако стремление к личному обогащению в сочетании с неустойчивой обстановкой в стране часто толкает ее представителей к нарушению правовых норм и криминальному поведению. В последнее время заметно активизируется и ее лоббистская деятельность, направленная на подчинение политической власти своим интересам.

6. Лидеры организованной преступности и сросшаяся с ними часть верхних слоев *составляют верхушку криминального мира*. Деструктивная деятельность этой группы выражается в распространении терроризма, разжигании и затягивании военных конфликтов, крупномасштабных хищениях национальных богатств, криминальном вывозе национального капитала, торговле оружием и наркотиками, организации рэкета, заказных убийств и проч. Распространение этих явлений патологически извращает социальное содержание трансформационного процесса, угрожая в конечном итоге криминальным перерождением общества.

7. *Бизнес-слой* России состоит из квалифицированных специалистов делового профиля, а также мелких и средних предпринимателей – собственников и менеджеров сравнительно небольших, но достаточно устойчивых предприятий и фирм. Реформы дали этой группе экономическую свободу, повышение благосостояния и социального статуса, поэтому она поддерживает рыночные преобразования, сетуя лишь на недостаток государственной защиты и помощи, высокие налоги и коррупцию чиновничества. Инновационно-предпринимательская деятельность этой группы способствует постепенному «вживлению» рыночных отношений в экономический организм России.

8. *Среднее звено бюрократии* представляет государственное чиновничество, социально и экономически противостоящее массе трудящихся, занятых исполнительским трудом по найму. Благополучие бюрократии, как и в прежнее время, базируется на силе и благосостоянии государства. Поэтому она поддерживает и идею, и практику усиления и авторизации власти, прямого государственного вмешательства в экономику, вплоть до возрождения планово-распределительного хозяйства. Отсюда и в основном негативное отношение к либеральным реформам. В этом плане к ней примыкает консервативно-патерналистское крыло бизнес-слоя, представленное руководством государственных предприятий, не сумевших приспособиться к рынку. Главное направление их деятельности – лоббирование в целях получения государственной помощи, что на практике равносильно борьбе за возрождение советской модели.

9. *Социально востребованная и адаптировавшаяся к рынку часть квалифицированных специалистов* инженерно-технического и социально-гуманитарного профиля выиграла прежде всего от либерализации духовной жизни. За полученную интеллектуальную и политическую свободу она готова платить некоторыми экономическими трудностями, хотя часть ее не страдает и материально. Инновационная деятельность этой группы направлена главным образом на совершенствование институтов социальной сферы, развитие гражданского общества, интеллектуальное сопровождение и поддержку либерально-демократических реформ.

10. *Относительно адаптировавшаяся часть базового слоя* (рабочих, крестьян, менее квалифицированных или невостребованных специалистов) занимает срединное положение в обществе и практикует широкий спектр видов трансформационной деятельности и поведения. Главными каналами влияния этой группы на ход общественных преобразований служат, во-первых, конструктивные формы адаптационного поведения, связанные со вторичной занятостью, интенсификацией труда, расширением личных подсобных и садовых хозяйств и проч., во-вторых, различные способы выражения организованного протеста против политики и конкретных действий власти.

11. *Неадаптированная консервативно-периферийная группа* объединяет аполитичную, не особенно образованную и не слишком дееспособную часть базового и нижнего слоев. Ей чужды либеральные ценности свободы, самостоятельности, успеха, риска и личной ответственности. Представители этой группы ориентированы на помощь государства, не получая которой испытывают растерянность, разочарование и недовольство. Отсутствие собственных убеждений делает их отзывчивыми на популизм, демагогию, экстремистские призывы. Консервативно-периферийная группа практически не вносит в трансформационный процесс какого-либо конструктивного вклада. Однако она заслуживает внимания и помощи власти как по гуманистическим соображениям, так и потому, что в кризисных ситуациях может составить резерв реакции.

12. *Маргинально-периферийную группу* составляют люмпенизированные низы, принадлежащие к социальному дну. Это люди, отвергнутые большим обществом, отчужденные от его институтов и ценностей. Здесь преобладает неправовое, деградационное, саморазрушительное и криминальное поведение, деструктивные формы протеста. Будучи относительно изолированной от общества, эта группа, на первый взгляд, не оказывает особого влияния на его социальную трансформацию. Но в действительности она служит питательной средой и ресурсной базой преступности. Поставленная на порог выживания и разогретая оппозицией, она является одним из наиболее вероятных субъектов бунтов и погромов.

13. Широкое *основание криминального мира*, о верхушке которого сказано ранее (см. пункт 6), объединяет лиц, занятых мелкой преступной деятельностью или участвующих на второстепенных ролях в организованной преступности. Это мошенники, жулики, махинаторы, рэкетиры, шантажисты, грабители, взломщики, насильники, террористы, убийцы и проч. Эта группа заинтересована в продлении общественной аномии и правового беспредела, обеспечивающих свободу и безнаказанность криминала.

Мы описали гипотетическое строение трансформационной структуры современного российского общества. Дальнейшие задачи исследования нам видятся в том, чтобы: дополнить и уточнить типологию макросубъектов трансформационного процесса; идентифицировать выделенные типы субъектов с помощью данных социологических опросов, определить их социальные и культурные характеристики, количественное соотношение и динамику; выявить содержание и специфику отношений и взаимодействий выделенных групп; оценить особенности трансформационной структуры и реформаторский потенциал России по сравнению с другими постсоциалистическими странами.

Евгений Головаха, Наталия Панина

Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции»

Период трансформации общества в Украине, как и в других постсоветских государствах, охватывает уже более 20 лет, начиная с прихода к власти лидера «неономенклатуры» Михаила Горбачева и заканчивая нынешним «посторанжевым» этапом радикальных и во многом еще неосмысленных социальных изменений. Большая удача социологов состоит в том, что с началом перестройки в советском обществе постепенно стали исчезать многочисленные идеологические запреты на исследования общественного мнения, массовых оценок экономической и социально-политической ситуации, ценностей и установок населения. По мере ослабления, а затем и полной ликвидации политической цензуры уходят в прошлое и опасения граждан за возможные отрицательные последствия открытого выражения своего мнения в процессе общения с социологами. В результате этого украинские социологи располагают данными многочисленных исследований, касающихся динамики массового сознания, психологического состояния и социального самочувствия людей, их отношения к власти и политическим институтам, особенностей восприятия этносоциальных и классовых отношений в обществе. Среди такого рода социологической информации особого внимания заслуживают, на наш взгляд, данные многолетнего мониторинга социальных изменений в Украине, осуществляемого Институтом социологии НАНУ (1992–2006), обобщенные результаты которого положены нами в основу концептуальных выводов, содержащихся в данном докладе. Наряду с этими данными мы опирались и на результаты массовых опросов, проведенных нами в Отделении социологии Института философии НАН УССР, а также во Всеукраинском отделении ВЦИОМа (1986–1991). Существенную роль в концептуальном осмыслении трансформационных процессов в украинском обществе сыграло сотрудничество с зарубежными коллегами, участие в проектах научных исследований, конференций и изданий совместно с Я. Шимоном и Л. Брустом (Венгрия), Р. Барнзом (США) в 1991–1992 годах, Х.-П. Майером (Швейцария) в 1992–1994-м, Р. Фарненом (США) в 1993–1996-м, К. Зегберсом (ФРГ) в 1994–1997-м, Э. Бромет (США) в 1996–2005-м, Ю. Левадой, Л. Гудковым и В. Магуном (Россия) в 1998–2006-м, В. Адамским (Польша) в 2001–2004-м, Д. Лейном (Великобритания) в 2005–2006-м.

Многое из того, о чем будет лаконично сказано в настоящей статье, получило развернутое обоснование в ряде публикаций, подготовленных нами в последние десятилетия. Поскольку возможность ознакомиться с эмпирическим материалом, свидетельствующим о степени достоверности наших выводов, открыта для аудитории благодаря опубликованным ранее работам, мы сосредоточим анализ прежде всего на логике социальных трансформаций последних двух десятилетий, на обозначении специфики этапов происходивших в Украине социальных изменений в тех аспектах, которые являются определяющими для общества, – институциональном, социально-структурном и социально-психологическом, особое внимание уделяя при этом роли классов, элиты и общественности на различных этапах трансформации общества.

Социальные изменения времен перестройки и институциональный взрыв 1991 года

Специфика социальных трансформаций в Украине во многом определяется историческим опытом формирования институциональной и социально-классовой структуры общества, а также базисного типа личности в рамках «советского социума», который к 80-м годам прошлого столетия вступил в полосу стремительно нарастающего социально-экономического, а

затем и политического кризиса, повлекшего за собой крах Советского государства и создание на его руинах новых независимых государств. И для граждан СССР, и для подавляющего большинства зарубежных аналитиков драматический финал горбачевской перестройки оказался во многом неожиданным и необъяснимым. Даже сегодня, когда очевидны закономерный характер и необратимость перемен, существенные трудности возникают при попытке обоснования неизбежности развала страны, претендовавшей на мировую гегемонию, страны с колоссальными природными и человеческими ресурсами, с устоявшейся социальной структурой, с привилегированной и, казалось бы, сплоченной властной элитой, с общественностью, выражающей поддержку власти и доминирующей идеологии.

Основные составляющие устойчивой институциональной системы – 1) законодательная база, определяющая легальность общественного устройства, 2) всеохватывающая институциональная инфраструктура, включающая мощный репрессивный аппарат и проверенную временем властную вертикаль, и, наконец, 3) согласие подавляющего большинства населения воспринимать «советский порядок жизни» как естественный, в основном приемлемый, а значит, и легитимный – вполне могли обеспечивать дальнейшее существование государства, несмотря на серьезные экономические трудности, оппозиционные настроения части творческой интеллигенции, неблагоприятные внешнеполитические условия и локальные военные поражения. Объяснять гибель СССР ухудшением экономической ситуации, давлением Запада, войной в Афганистане и сепаратистскими настроениями в отдельных республиках можно, только находясь вне страны, где с массовым энтузиазмом были встречены фантастические по своей глупости андроповские методы укрепления дисциплины, где существовала огромная очередь для интеллигентов, желающих вступить в КПСС и записаться в резерв МИД для поездок в зарубежные страны (ценой сотрудничества с КГБ), где всегда можно было найти сколько угодно добровольцев для великих строек и ликвидации последствий техногенных катастроф, где, наконец, было практически уничтожено диссидентское движение.

На наш взгляд, к разразившемуся институциональному кризису и скоротечному развалу страна была совершенно не готова, и последующие этапы трансформации большинства постсоветских государств (за исключением прибалтийских) это убедительно подтвердили. За пятнадцать лет независимого существования постсоветские государства так и не смогли достигнуть хотя бы «советского» уровня ВВП, в большинстве из них политическое управление осуществляется в той или иной мере авторитарными методами, поддерживаемыми большинством населения и сдерживаемыми преимущественно международным давлением. Поскольку предметом анализа являются социальные трансформации в Украине, мы не будем специально останавливаться на общих проблемах постсоветских общественных изменений. Отметим лишь, что на первом этапе трансформаций украинское общество институционально ничем существенно не отличалось от российского и белорусского, общими были в тот период и характеристики массового сознания, и социально-классовая структура, и уровень жизни населения.

Что же в таком случае послужило решающим стимулом к кардинальным общественным изменениям? Принято связывать исходный момент постсоветской трансформации с двумя ключевыми событиями: приходом к власти Михаила Горбачева и Чернобыльской катастрофой. Первое событие обусловило ожидаемый после длительного периода застойной геронтократии порыв к поиску новых путей развития советского общества, а второе – обнаружило смертельную угрозу для государства, которую заключает в себе сформировавшийся в условиях закрытого общества синдром безответственности людей, отвечающих за чреватые тотальными катастрофами современные технологии.

В результате омолодившееся советское руководство пошло по пути социального экспериментирования для высвобождения длительное время подавляемой социальной инициативы, что и привело к краху государства, которое не могло существовать без скрепляющей все его разнородные элементы единой тоталитарной идеологии. Факторами, которые ускорили инсти-

туциональный крах, являлись давление более экономически эффективного и идеологически сплоченного Запада, стремление к освобождению от «советского диктата» в странах «социалистического лагеря» и все более обременительная для стагнирующей экономики СССР поддержка антизападных режимов в странах третьего мира.

В самых общих чертах такое объяснение является вполне правдоподобным. Однако и в столь непростых условиях у советского руководства был вполне возможный путь сохранения государства и его институциональных устоев, если бы была принята противоположная горбачевской перестройке и гласности стратегия политической закрытости, пример которой буквально накануне перестроечных процессов продемонстрировал Юрий Андропов, до сих пор остающийся в массовом сознании россиян, белорусов и даже украинцев одним из самых привлекательных политических лидеров. Отчасти такую стратегию принял Китай, сумевший совместить коммунистическую идеологию, партийный диктат и политическую цензуру с элементами рыночной экономики и модернизации образа жизни населения. Однако между Советским Союзом и Китаем имелось одно весьма существенное различие, которое, как правило, связывают с особенностями культуры и психологии, мало внимания обращая на то, что обновление властной элиты посредством массовых репрессий и заполнения освободившихся мест честолюбивыми выходцами из «партийных низов» происходило в Китае на 20 лет позднее, чем в СССР, в котором после окончания сталинской эпохи номенклатура приобрела сакральный характер и статус неприкасаемых. Именно крайне медленное обновление наиболее 36 желанных социальных позиций при ускоренном пополнении рядов претендентов на высокие места в статусной иерархии и послужило мощным стимулом для начала трансформационных процессов в советском обществе.

Еще задолго до перестройки, как было показано в исследованиях социально-профессиональных ориентаций 1970-х годов, в сознании поколений, вступавших в самостоятельную жизнь, профессии и должности, позволявшие занять верхние ступени в социальной иерархии, стали предметом массовых ориентаций, а наиболее массовые профессии и рядовые должности оказались непривлекательными для подавляющего большинства молодежи. Рост социально-статусных притязаний стал источником дестабилизации сложившейся социальной иерархии, поскольку нереализованность ожиданий приводила к росту неудовлетворенности социальной системой большинства представителей новых когорт.

Для удовлетворения новых амбиций и притязаний нужны были и новые привилегированные социальные позиции, что не могло быть реализовано в рамках ограниченного и идеологически замкнутого номенклатурного класса. На места в узком круге советской элиты оказалось слишком много претендентов, а поскольку испытанный большевистский метод отстрела старой и прикормки новой номенклатуры уже не мог быть реализован, оставалось одно – допустить некоторые социально-экономические вольности и направить нараставшую жажду приобретения в сферу проявления частной экономической инициативы. Однако этот путь был не самым привлекательным для творческой и научной интеллигенции, ряды которой были полны способными и честолюбивыми людьми, вполне созревшими для карьерного роста и получения соответствующих привилегий. Профессор Д. Лейн в своей монографии «Подъем и упадок государственного социализма» отметил особую роль интеллигенции в перестроечных процессах, исходя из того, что среди специалистов высококвалифицированного умственного труда были в наибольшей степени распространены ориентации на рыночную экономику и политический плюрализм. Это, конечно, так. Но в перестроечные времена творческая и научная интеллигенция особенно активно участвовала в тех акциях, которые снимали ограничения с ее самовыражения и карьерного продвижения в творческих союзах, научных и учебных учреждениях. Среди этих людей и был найден кадровый политический резерв, который охотно пополнил ряды неономенклатуры после провала ГКЧП и последовавшего затем институционального взрыва.

Под институциональным взрывом как альтернативой эволюционного изменения системы социальных институтов мы понимаем осуществление в кратчайшие сроки всеохватывающей институциональной реорганизации и принятие новых законодательных основ социальной жизни. Постепенное ослабление институциональных основ советского общества в ходе перестройки в общем и целом устраивало новую номенклатуру как в союзных структурах власти, так и в большинстве республик СССР. Но этот процесс никак не устраивал традиционный привилегированный слой, который в результате эволюционных изменений рисковал окончательно утратить свои позиции. Не случайно в состав ГКЧП вошли руководители всех силовых ведомств и оборонной промышленности, институциональная инфраструктура и кадровый состав которых могли более всего пострадать от изменения государственного устройства.

Трудно переоценить роль августовского путча 1991 года в развале СССР. Продемонстрированные старой номенклатурой нерешительность и организационное бессилие окончательно убедили население в том, что ничего полезного для «простого человека» от старой системы ждать не приходится. К концу года, когда экономическая ситуация настолько обострилась, что реальной оказалась угроза голода, «национальные бюрократии» воспринимались населением как более близкие и перспективные, чем несостоятельное союзное руководство. Отсюда и вполне равнодушное отношение масс, поддержавших в марте на референдуме идею сохранения Союза, к его ликвидации в результате «беловежских соглашений». И особую роль в ликвидации СССР сыграла Украина, властная элита которой в последние два года перестройки успела ощутить преимущества независимости от диктата, а население верило в исключительную экономическую мощь страны, которой не дают реализоваться в полной мере только союзные путы. Кроме того, в эти годы в массовом сознании преобладало романтическое отношение к демократии как возможному источнику достижения уровня жизни, подобного тому, который существовал в развитых капиталистических государствах. И хотя формально компартия Украины была к тому времени запрещена, в стране сохранялось своеобразное «единство партии и народа»: властная элита, демократическая оппозиция и большинство населения поддерживали перспективу независимого существования страны. Пожалуй, именно Украина сыграла решающую роль в окончательном банкротстве идеи обновленного Союза, поскольку Ельцин и его российские соратники вполне допускали какие-либо варианты сохранения единого государства (при условии отстранения от власти М. Горбачева).

Взрывной характер изменения институциональных основ советского общества в результате развала СССР и сопровождавших этот процесс политических, экономических и социально-культурных изменений вряд ли кто-либо станет оспаривать. Достаточно сказать о самом феномене развала сверхдержавы, об утрате господства коммунистической идеологии и уничтожении института однопартийности, о ликвидации монополии института государственной собственности, об исчезновении одиозных тоталитарных институтов в сфере духовной жизни. Трудно назвать хотя бы один социальный институт, который не был бы полностью или частично разрушен в результате постсоветских преобразований. Принципиальные изменения не коснулись разве что института семьи. Разрушение старых социальных институтов осуществлялось законодательным путем, с последующей коренной реорганизацией институциональных учреждений. Каким бы экономически неэффективным ни был процесс приватизации государственной собственности в первые годы его осуществления, он основывался на легальном базисе, исключающем возможность государственной монополии на собственность в сфере производства и торговли. Как бы близок по духу ни был институт исполнительной власти в постсоветских государствах к советской партийной монополии, его законодательно определенные полномочия и сам способ функционирования (на основе демократических выборов) принципиально отличаются от института однопартийной власти. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что старые социальные институты, обеспечивавшие определенную социальную стабильность и интегрированность общества, в результате посткоммунистической трансформации

утратили по крайней мере два из трех институциональных атрибутов – легальность и организационную инфраструктуру.

В этот период практически одномоментно возникают и приобретают легальность новые основополагающие социальные институты: президентская вертикаль власти, многопартийная система без доминирующей роли запрещенной КПСС, частная собственность и крупный бизнес, деидеологизированные силовые структуры. Фактически создается совершенно новая институциональная инфраструктура, которая в тот период пользуется преобладающей поддержкой населения, приобретая таким образом легитимный статус. Однако парадокс ситуации с институциональной точки зрения заключался в том, что этот статус приобрела система учреждений, которые по сути своей не были способны осуществлять функции, необходимые для подкрепления декларативно принятых норм и ценностей демократического общества. Властная элита не готова была к диалогу с оппозицией и общественностью, судебная власть оставалась зависимой от исполнительной, предприниматели ощущали себя обладателями не «священной», а украденной у государства собственности, наука, культура, образование продолжали свое существование как «остаточный сектор» государственной экономики.

И массовое сознание, декларативно поддерживавшее рыночную экономику, политическую демократию и правовое государство, сохраняло в полном объеме патерналистские стереотипы, психологию зависимости от государства и беспомощности перед его произволом. Образно говоря, Украина была в той же мере готова к разрушению старой институциональной системы, в какой не была готова к созиданию новой.

Стратегия сдерживания институциональных изменений, 1992–1994

К началу 1992 года в Украине сложилась институциональная ситуация, которая, на первый взгляд, располагала к осуществлению политических и социально-экономических реформ, необходимых для построения демократии и рыночной экономики. Однако подавляющее большинство правящей бюрократии и рядовых граждан в это время не были заинтересованы в принципиальном преобразовании устоявшегося социального порядка, даже если на декларативном уровне они поддерживали идею коренного изменения общественной системы и углубления рыночных реформ. В социалистической системе многое не устраивало людей, но только не гарантированная занятость и возможность вертикальной мобильности для выходцев из рабочего класса и крестьянства, что неизбежно требовало избыточного и структурно несбалансированного создания рабочих мест и престижных социальных позиций. В отличие от капиталистической системы, периодически страдающей от перепроизводства товаров и услуг, социалистическое общество длительное время занималось перепроизводством производителей и потребителей с соответствующим искажением социально-классовой и социально-профессиональной структуры. Нигде в мире не было и такого удельного веса врачей и учителей в общем составе населения, как в СССР (в том числе и в Украине). Аналогичная ситуация к моменту развала Союза сложилась применительно к большинству социально-профессиональных позиций, связанных с трудом высшей квалификации.

Конечно, новая власть могла бы заняться радикальным реформированием социально-профессиональной структуры, отдав ее «на растерзание» рыночной экономике. Но именно в этом случае миллионы людей, имеющих высокую квалификацию, оказались бы ненужными в новой структуре. То же самое происходило и с социально-классовой структурой, где экстенсивное развитие сферы материального производства (рука об руку с идеологической установкой на укрепление авангарда советского общества) привело к перепроизводству в СССР и Украине «передового отряда рабочего класса» – промышленных рабочих.

В результате возникла специфическая «украинская модель» посткоммунистического развития, которая существенно отличалась от прибалтийской, российской, кавказской и сред-

неазиатской моделей. Из республик бывшего Союза, пожалуй, только Беларусь и Казахстан в тот период были близки к Украине, хотя очевидное тяготение к России и отсутствие купонной гиперинфляции не позволяли зачислить их в единый лагерь сторонников определенного типа социального выживания – социалистического общества без коммунистической идеологии, с регулируемой государственной экономикой и стихийно складывающимися рыночными отношениями. В системе координат «закрытое – открытое общество» Украина занимала весьма своеобразную позицию «полуоткрытого общества» с значительным продвижением к открытости по линии политических свобод и крайне незначительным – в экономической сфере.

Вполне естественно, что подобный «политико-экономический кентавр» долго существовать не мог, поскольку в мировом опыте социальной организации примеров устойчивого существования политической свободы при экономическом произволе не найти. И тем не менее феномен «украинской модели» посткоммунистического развития возник и только одним фактом своего выживания в условиях тяжелейшего социально-экономического кризиса заслуживает серьезного анализа с точки зрения возможности решения проблемы социальных конфликтов, нередко приобретающих в трансформирующихся обществах агрессивный и кровопролитный характер.

Возможно, для историков и экономистов будущего, которые обратятся к анализу событий, фактов и закономерностей развития посткоммунистического мира после развала СССР, феномен украинского варианта «экономического чуда», когда в кратчайшие сроки уровень жизни большинства населения страны оказался ниже черты бедности, нищеты и даже физического выживания, будет представлять значительный теоретический интерес. «Украинская модель» первого этапа посткоммунистической трансформации общества, при всей ее экономической неэффективности, оказалась состоятельной в одном – способности сохранить в стране мир и избежать открытой внутренней агрессии и кровопролития. Именно в этом президент Украины Л. Кравчук видел определенный успех своей внутренней политики, который свидетельствовал в пользу избранной властями «консервативно-охранительной» стратегии развития государства и общества в условиях общих для всех посткоммунистических стран социально-экономических потрясений. И действительно, факт остается фактом: с точки зрения внутриполитической стабильности Украина оказалась одной из немногих бывших советских республик, которым удалось избежать непримиримой конфронтации различных политических сил 40 и кровопролитных конфликтов.

В принципе не исключено, что именно Украина накопила тот опыт мирного перехода от коммунистической диктатуры и планово-административной экономики к открытому демократическому обществу, который имеет исключительную историческую ценность и достоин воспроизводства в других государствах, отказывающихся от своего коммунистического прошлого. Может быть, и цена за «бесконфликтность» на первых порах независимого существования – развал экономики и массовая аномия – не столь высока, чтобы отказываться от избранной стратегии развития, обеспечившей тот самый «худой мир», который лучше «хорошей войны».

Сущность «украинской модели» определялась стремлением властей удержать социальное равновесие посредством минимизации социальных изменений и сохранения старых структур и механизмов социального управления для предотвращения массовой социальной невостребованности, которая является неизбежным следствием коренной ломки социальных устоев. Результатом реализации этой модели является, с одной стороны, отсутствие широкомасштабных конфликтов, имеющих насильственные формы, а с другой – угасание экономики и социально-политической активности. Для достижения массовой поддержки такой стратегии в обществе культивировался тотальный страх перед любыми конфликтами, с неизбежностью распространяющийся и на необходимый для демократического развития конфликт между отживающими тоталитарными структурами управления и гражданским обществом. В результате страх населения перед конструктивными социальными конфликтами сам по себе стано-

вится механизмом, сдерживающим любые конструктивные действия по преодолению социально-экономического кризиса.

Изрядно запуганное возможным социальным хаосом при радикализации общественных изменений, большинство населения придерживалось той же «политической линии», что и властные структуры: декларативно поддерживая идеи демократизации общества, рыночной реформы и построения правового государства и ничего не предпринимая для реального достижения этих политических целей, не доверяя политикам, но и не настаивая на активизации их усилий в построении демократического государства с эффективной рыночной экономикой. В этом страхе – общем для управленческой элиты, боящейся утратить привычные рычаги управления, и для цепляющегося за эту элиту «молчаливого большинства», видящего в ее привычном со старых добрых времен, руководящем и направляющем облике гарант «худого мира», – заключался в тот период основной источник деградации экономики и дискредитации идеи государственной независимости.

Характеризуя сложившуюся на первом этапе посткоммунистической трансформации украинскую модель общественного устройства, следует учитывать и особую систему межэлитарного взаимодействия, сложившуюся в Украине в результате посткоммунистической дифференциации политической элиты, способной в определенных условиях выступать как политической силой, стабилизирующей ситуацию в обществе, так и инициатором организованного социального протеста. Специфика социально-политической организации общества определяет особенности существования элит, способ их взаимодействия, зоны согласия и конфликта. Общая закономерность состоит в том, что степень жесткости государственного контроля за социальным поведением в основных сферах жизни общества – экономической, политической, социально-культурной – прямо связана со степенью внешней и внутренней дифференциации соответствующих элит. Это означает, что наиболее интегрированными являются элитарные слои в обществе, где единая тоталитарная идеология и мощный репрессивный аппарат практически исключают саму возможность существования политической оппозиции как основного источника возникновения межэлитарного конфликта. Причем особой «бесконфликтностью» отличаются коммунистические государства, которые держат под жестким контролем не только политико-идеологическую сферу, но и экономику.

И если в рамках «некоммунистического тоталитаризма» возможно существование частной собственности, конкуренции и рыночных отношений, неизбежно порождающих дифференциацию экономической элиты и межэлитарный конфликт, то полновластие коммунистов позволяет длительное время сохранять «элитарный монолит».

В первые годы посткоммунистической трансформации ситуация, казалось бы, принципиально изменилась в результате дифференциации социалистической номенклатуры и появления новых политических, экономических и интеллектуальных элит, порожденных крахом коммунистической идеологии и независимым развитием Украины. Именно в конфликте старых и новых элит заключен основной источник социального взрыва в посттоталитарном обществе, поскольку для кризисных периодов общества противостояние элиты и массы (за исключением отдельных стихийных выступлений, легко подавляемых сплоченными элитами) может приобретать революционные формы, угрожающие массовым кровопролитием и гражданской войной, лишь в том случае, когда интересы правящей элиты оказываются несовместимыми (взаимоисключающими) с интересами оппозиционных политических сил.

Десятки юридически оформленных политических партий, декларирующих оппозиционность правящей элите, не смогли стать реальной оппозицией властям, которые воспроизводили в обществе феномен, характерный для развитого социализма, – вездесущую «партию власти», отличие которой от бывшей КПСС состояло лишь в отсутствии явной и не подлежащей ревизии идеологической доктрины, а единая сущность – в безраздельном владении основными рычагами управления государственно-колхозной экономикой и сферой законо-

творчества, регулирующей распределение собственности. «Партия власти» легко пожертвовала идеологическими догмами и отдельными политическими фигурами ради консервации замкнутой системы регулирования социально-экономических отношений, в которой могли меняться исполнители, но не механизмы, отработанные десятилетиями экономического принуждения. Попытки придать этой системе несвойственные ей функции социальной защиты населения оборачивались фарсом, превращающим подавляющее большинство населения в неимущих, нуждающихся в государственной опеке. Таким образом воспроизводился феномен «единства партии и народа», когда «партия» постоянно заботится о том, чтобы в обществе было побольше неимущих, а последние держатся за нее, боясь утратить последние завоевания социализма, но постепенно обнаруживая, что голосующая за сохранение старых порядков в экономике рука все больше становится рукой, протянутой за подаянием.

Таким образом, несмотря на то что в Украине процесс дифференциации элит привел к противостоянию «партии власти» и оппозиции, в обществе не нашлось достаточно активных и организованных сил, которые могли бы затянувшийся эволюционный процесс отмирания старой общественной системы превратить в революционный взрыв, опираясь на существующее массовое недоверие властным структурам и недовольство экономическим положением страны. Это было связано с феноменом разделения сфер влияния между элитами, когда экономическая сфера оказалась в руках старой номенклатурной элиты, а идеологическая – в компетенции наиболее организованной новой элиты, сформировавшейся вокруг идеи приоритетности укрепления национальной государственности.

Если неономенклатурная и национально-демократическая элиты, разделив сферы влияния, создали мощный «центристский буфер», сдерживавший социальный взрыв, то правые националистические и левые коммунистические радикалы как раз именно своим непримиримым соперничеством (в отличие от России, где шовинисты и коммунисты общими усилиями провоцировали путчи и массовые беспорядки) снижали потенциал взрывоопасного экстремизма. В результате ни те ни другие не смогли заручиться решающей поддержкой люмпенизированных и маргинальных слоев населения, составляющих основную деструктивную силу социального протеста.

Становление двойной институциональной системы, 1994–1998

Первые годы независимого существования Украины, при всех политико-реформистских и рыночных экспериментах новой власти, практически не привели к становлению новых институтов, обладающих легитимным статусом в обществе и действенной институциональной инфраструктурой. В этих условиях обнаруживалось все больше свидетельств восстановления легитимности элементов советской институциональной системы: государственного патернализма, коммунистической партии, «псевдоприватизированных» (якобы акционерных) предприятий и т. п. Многие старые социальные институты начали все более активно функционировать в новых социальных условиях. Вместо ожидаемого их вырождения произошло своеобразное перерождение, образно говоря – «реинкарнация». Благодаря этому в социальной структуре постсоветского общества сохранились многие статусные и ролевые позиции для социальных акторов, занимавших аналогичные позиции в прошлом. Так, например, в новых государственных структурах оказалась практически без материального, социально-статусного и морального ущерба старая номенклатура.

И хотя власти Украины постоянно подчеркивали свою приверженность западной идеологии и свое стремление к интеграции с Западом, образовавшееся «государство-кентавр» (с головой, направленной на Запад, но не способное реально двигаться в вожделенном направлении из-за упирающегося «социалистическими копытами» базиса) являло собой «переходный социум», чей статус становился все более неопределенным с точки зрения демократической

и рыночной перспективы. Под воздействием разнонаправленных импульсов политического и экономического развития «общественный организм» эволюционировал в направлении, противоположном первоначальным декларированным ожиданиям, когда на фоне массового разочарования в чудодейственности демократических деклараций усилилась ностальгия по утраченному «социальному порядку».

В этом контексте наиболее важные отличительные черты инициального этапа постсоветских трансформаций и этапа, последовавшего за двумя первыми годами институциональных изменений, состояли в следующем:

Важнейшие черты постсоветской трансформации на Украине, 1991–1992 и 1994–1998

1991 — начало 1992	1994–1998
Ориентация на рыночные механизмы регуляции экономики	Ориентация на государственную поддержку производственного сектора
Массовая поддержка государственной независимости	Преобладающая поддержка реинтеграции
Коммунистическая партия утрачивает массовую поддержку	Коммунистическая партия — главная оппозиционная сила и претендент на власть
Ответственность за кризис возлагается на коммунистический режим	Ответственность возлагается на демократически избранную власть

Эти изменения стали возможными благодаря существенной эволюции массового сознания, в котором прогрессировало неприятие института многопартийности, заметно укрепились позиции противников частной собственности на землю и предприятия. Казалось бы, несколько лет свободной жизни, появление слоя собственников и мощный «выброс» частной экономической инициативы должны были способствовать постепенному изживанию коммунистических привычек и умонастроений у значительной части населения. Однако ни этот фактор, ни даже пополнение демократического лагеря несколькими когортами молодежи, среди которой коммунистические ориентации распространены в наименьшей мере, не привели к расширению сферы влияния демократических ценностей. Призрак коммунизма постепенно обретал зримые черты и вполне весомые властные амбиции.

И все же украинское общество даже в таких условиях избежало угрозы «второго пришествия» коммунистического мессии и агрессивных социальных конфликтов. Объяснить это, на наш взгляд, можно, приняв концепцию становления парадоксальной «институциональной гиперполноценности», основанной, с одной стороны, на том, что системообразующие институты советского общества, утратив легальность в результате перестройки и развала СССР, не утратили традиционной легитимности – согласия людей с социальными правилами, основанными на идеологии государственного патернализма, сохранении государственной собственности на крупные предприятия, социалистических льгот для населения и привилегий для правящей элиты, неизменности государственного сектора в социальной сфере – образовании, здравоохранении, науке, художественной культуре, управлении конфессиональными и межэтническими отношениями. С другой стороны, нелегальные (теневые) институты советского общества – теневой рынок («левое» производство и спекуляция в условиях дефицита), блат и коррупция, организованная преступность, двойная мораль (разрыв между публичной и приватной моральной позициями) – трансформировались в легальные институты «переходного общества», но не приобрели должной легитимности в силу их массового восприятия в качестве «узаконенного беззакония». Отсюда и несогласие людей жить по формально легализованным, но остающимся «теневыми» по сути правилам и признавать новые учреждения в качестве базисной институциональной инфраструктуры общества. Испытывая чувство аномической деморализованности, недоверия и неудовлетворенности своим положением в обществе, большинство граждан Украины находились в состоянии амбивалентности по отношению к институциональным образованиям, легальность или легитимность которых не обеспечены правом или моралью. Такого рода амбивалентность проявилась в массовом согласии жить в таком институциональном пространстве, где легальность обеспечивается самим фактом уза-

коненного существования новых институтов, а легитимность – сохранением мимикрировавших старых институтов, сохраняющих традиционную регулятивную функцию и опирающихся на сохраненные элементы социальной инфраструктуры, старые социальные позиции и ролевые предписания. Таким образом и формировалась «институциональная гиперполноценность» украинского общества, основанная на согласии людей жить в таком институциональном пространстве, где действуют и старые и новые институты, обеспечивающие своим противоречивым сосуществованием наличие всех необходимых для социальной интеграции и стабильности атрибутов институциональности. Классическим примером институциональной двойственности является деятельность народных депутатов Украины, большинство которых одновременно являются активными участниками предпринимательской деятельности, поскольку институты властные и коммерческие образовали то, что, пользуясь термином Р. Инглехарта, можно назвать «симбиотической взаимосвязью». В такой парной взаимосвязи оказались практически все институциональные образования, обеспечивая гражданам Украины возможность в каждом институциональном секторе испытывать двойную институциональную нагрузку и находить необходимые для социального согласия атрибуты легальности и легитимности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.